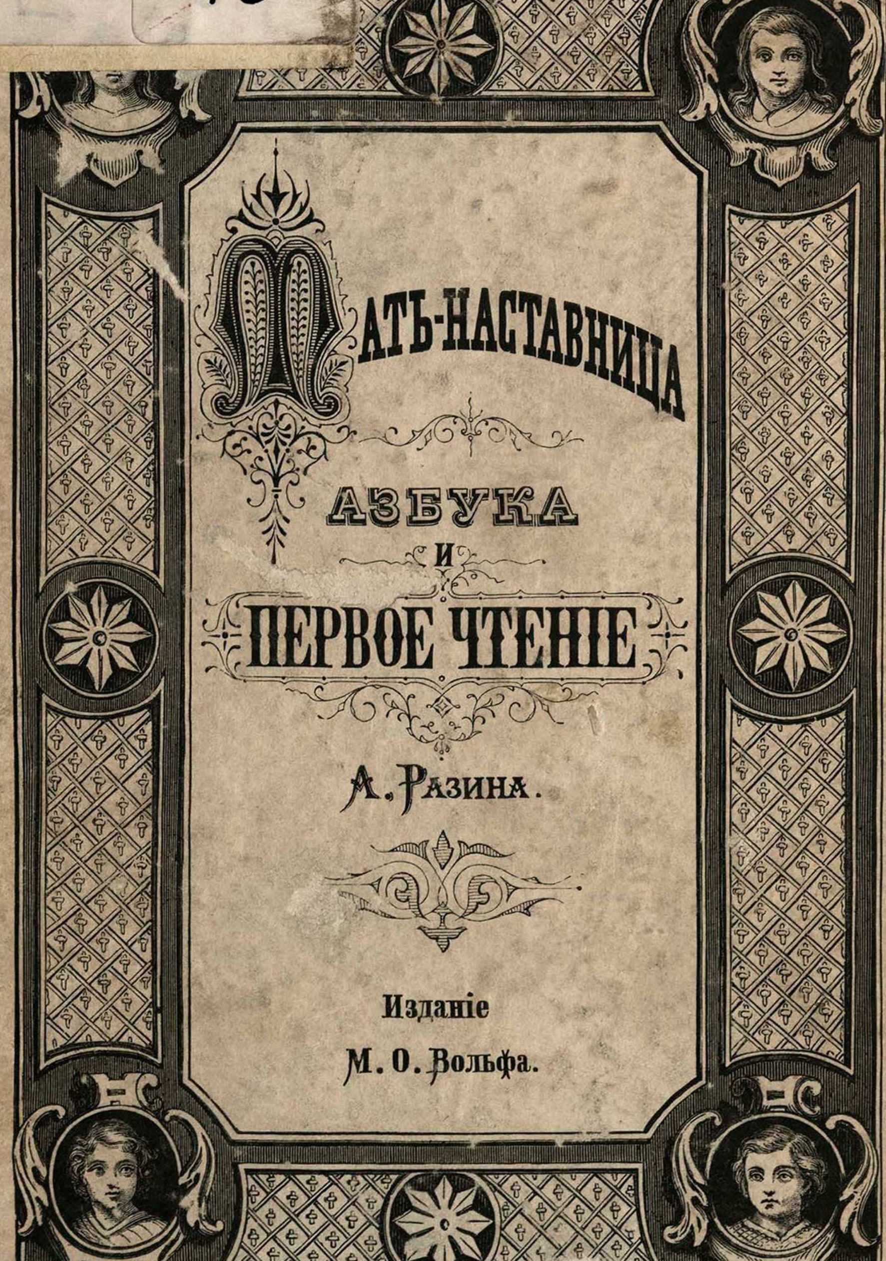
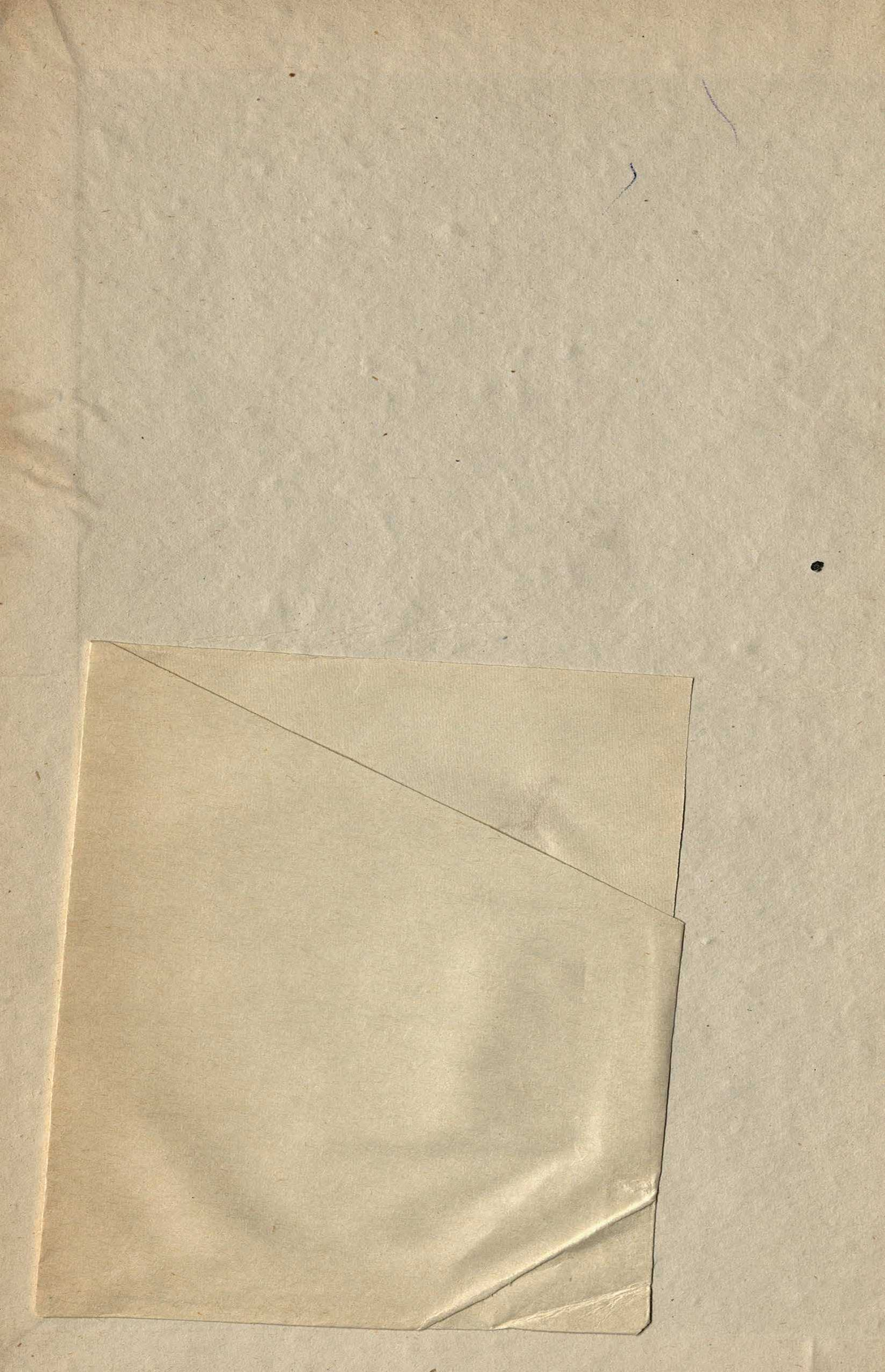

МАТЬ-НАСТАВНИЦА
АЗБУКА
И
ПЕРВОЕ ЧТЕНІЕ
А. Разина.
Изданіе
М. О. Вольфа.

МАТЬ-НАСТАВНИЦА.

МАТЪ-НАСТАВНИЦА
АЗБУКА
И
ПЕРВОЕ ЧТЕНІЕ
А. Разина.
Изданіе
М. О. Вольфа.

МАТЬ-НАСТАВНИЦА.

АЗБУКА

и

ПЕРВОЕ ЧТЕНІЕ

А. РАЗИНА.

Съ 28 таблицами рисунковъ Г. Пилатти.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,
Кузнецкій мостъ, д. Рудакова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 ноября 1875 г.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ДЛЯ

МАТЕРИ-НАСТАВНИЦЫ.

На четвертой страницѣ нашей азбуки, учащійся знакомится съ тремя гласными буквами, а потомъ съ одною согласной. Главное условіе успѣха при занятіяхъ состоитъ въ томъ, чтобы не называть согласной буквы, чтобы она не была названа ни *бе*, ни *буки*. И то и другое названіе одинаково безсмысленно, когда ребенокъ только-что начинаетъ учиться грамотѣ. Надо называть букву *новымъ знакомъ* и произносить или вмѣстѣ съ одною изъ извѣстныхъ гласныхъ, или, что гораздо труднѣе, но въ то же время и полезнѣе, *бъ*. Впослѣдствіи, когда дитя будетъ уже читать, то есть, когда оно въ нашихъ упражненіяхъ повстрѣчается со всѣми до одной буквами, можно познакомить его съ формальною азбукой. Согласная буква, *послѣ* какой-нибудь гласной, произносится всего вѣрнѣе, и если знакъ *б* останется въ дѣтской памяти связаннымъ съ тѣмъ звукомъ, какой онъ имѣетъ послѣ буквы *о* въ словѣ *бобъ*, то больше ничего и не нужно: дальнѣйшія сочетанія этой

буквы, какъ бы разнообразны они ни были, будутъ легки, просты и понятны. Этой мысли мы держались, по возможности, и для всѣхъ прочихъ буквъ, знакомя учащагося сначала съ тѣми, которыя употребительнѣе другихъ.

При помощи буквы *б* мы составили шесть словъ. Въ первомъ и второмъ словахъ съ намѣреніемъ пропущенъ знакъ *ъ*, и во многихъ другихъ словахъ дальше, онъ пропущенъ, чтобы лишнимъ знакомъ не затруднять сначала и не сбивать вниманія ребенка, которое не должно быть во время урока напряжено все сполна.

Зная только четыре буквы и уже читая слова, дитя съ перваго же урока пойметъ для чего оно учится, и получитъ весьма полезную бодрость для продолженія ученья, особенно если каждое слово будетъ объяснено и растолковано, что, разумѣется, необходимо. Остается только припомнить правило, что въ ученьѣ безполезно идти впередъ, пока пройденное не усвоено учащимся вполнѣ, и въ свое время перейти къ слѣдующей страницѣ.

На шестой страницѣ учащійся узнаетъ три буквы. При помощи ихъ составлено уже десять словъ и цѣлая фраза, тутъ же объясненная картинкой. Здѣсь, какъ и при всѣхъ слѣдующихъ новыхъ знакахъ, согласную не должно называть формальнымъ ея именемъ: *энъ*, *эръ*, и т. д. Слова и фразы должны быть объясняемы; нужды нѣтъ, если въ данной фразѣ недостаетъ изящества: на первыхъ страницахъ задача только въ томъ, чтобы хоть нѣсколько осмыслить и оживить скучную и трудную науку — азбуку.

Курсъ чтенія не раздѣленъ здѣсь на уроки, потому что способности учащихся, а также и способности учащихъ, крайне разнообразны: иной ученикъ съ иною наставницей успѣетъ хорошо узнать пять новыхъ буквъ въ такое же время, въ какое другой ознакомится только съ одною.

Еще одно замѣчаніе. Уроки азбуки или чтенія непремѣнно должны сопровождаться писаньемъ и вырисовываніемъ каранда-

шомъ тѣхъ буквъ и словъ, которыя узнаны. Кромѣ того, что это упражненіе укрѣпляетъ въ памяти пройденное, оно всегда бываетъ занимательно для ребенка и пріучаетъ руку къ писанью. Мы полагаемъ сверхъ того, что въ промежуткахъ между уроками чтенія полезно давать ребенку учить наизусть хорошіе стихи или прозу, и никакъ не спѣшить пройти весь курсъ чтенія. Для этой цѣли въ концѣ книги собрано нѣсколько стихотвореній и отрывковъ, вполнѣ пригодныхъ для русскаго ребенка.

А. Разинъ.

Б

А о ы

о ы а о а ы а ы о

А о ы

о ы а о а ы а ы о

А о ы

о ы а о а ы а ы о

А о ы

о ы а о а ы а ы о

оБ	Б-оБ	Бо-Бы
оБа	Ба-Ба	Ба-Бы

оБ	Б-оБ	Бо-Бы
оБа	Ба-Ба	Ба-Бы

оБ	Б-оБ	Бо-Бы
оБа	Ба-Ба	Ба-Бы

оБ	*Б-оБ*	*Бо-Бы*
оБа	*Ба-Ба*	*Ба-Бы*

оБ	*Б-оБ*	*Бо-Бы*
оБа	*Ба-Ба*	*Ба-Бы*

Я У

а о я у ы о у я

а у о ы а я

Я У

а о я у ы о у я а у о

ы а я

Я У

а о я у ы о у я а у о

ы а я

о-н о-на Бу-ян ня-ня на-Ба-Б
Ба-ня ну на Бу-Б-ны ни-на
на, Бу-ян, Бу-Б-ны

о-н о-на Бу-ян ня-ня на-Ба-Б
Ба-ня ну на Бу-Б-ны ни-на
на, Бу-ян, Бу-Б-ны

о-н о-на Бу-ян ня-ня на-Ба-Б
Ба-ня ну на Бу-Б-ны ни-на
на, Бу-ян, Бу-Б-ны

о-н о-на Бу-ян ня-ня на-Ба-Б
Ба-ня ну на Бу-Б-ны ни-на
на, Бу-ян, Бу-Б-ны

о-н о-на Бу-ян ня-ня на-Ба-Б
Ба-ня ну на Бу-Б-ны ни-на
на, Бу-ян, Бу-Б-ны

Р

Е И

о у е ы и а я

у ы е и а я

Е И

о у е ы и а я

у ы е и а я

Е И

о у е ы и а я у

ы е и а я

бо-р

у-Бо-р ар-Ба ра-но

Бо-ро-на ар-аб ры-ба

ба-ри-н но-ра ба-ра-н

ры-бы бо-я-ри-н и-ри-на

ре-б-ро

у-Бе-ри Ба-ра-ба-н и бу-б-ны

у Бо-ро-ны Ба-ра-ны

у а-ра-Ба ры-ба и ар-ба

бо-р

у-Бо-р ар-Ба ра-но

Бо-ро-на ар-аб ры-ба

ба-ри-н но-ра ба-ра-н

ры-бы бо-я-ри-н и-ри-на

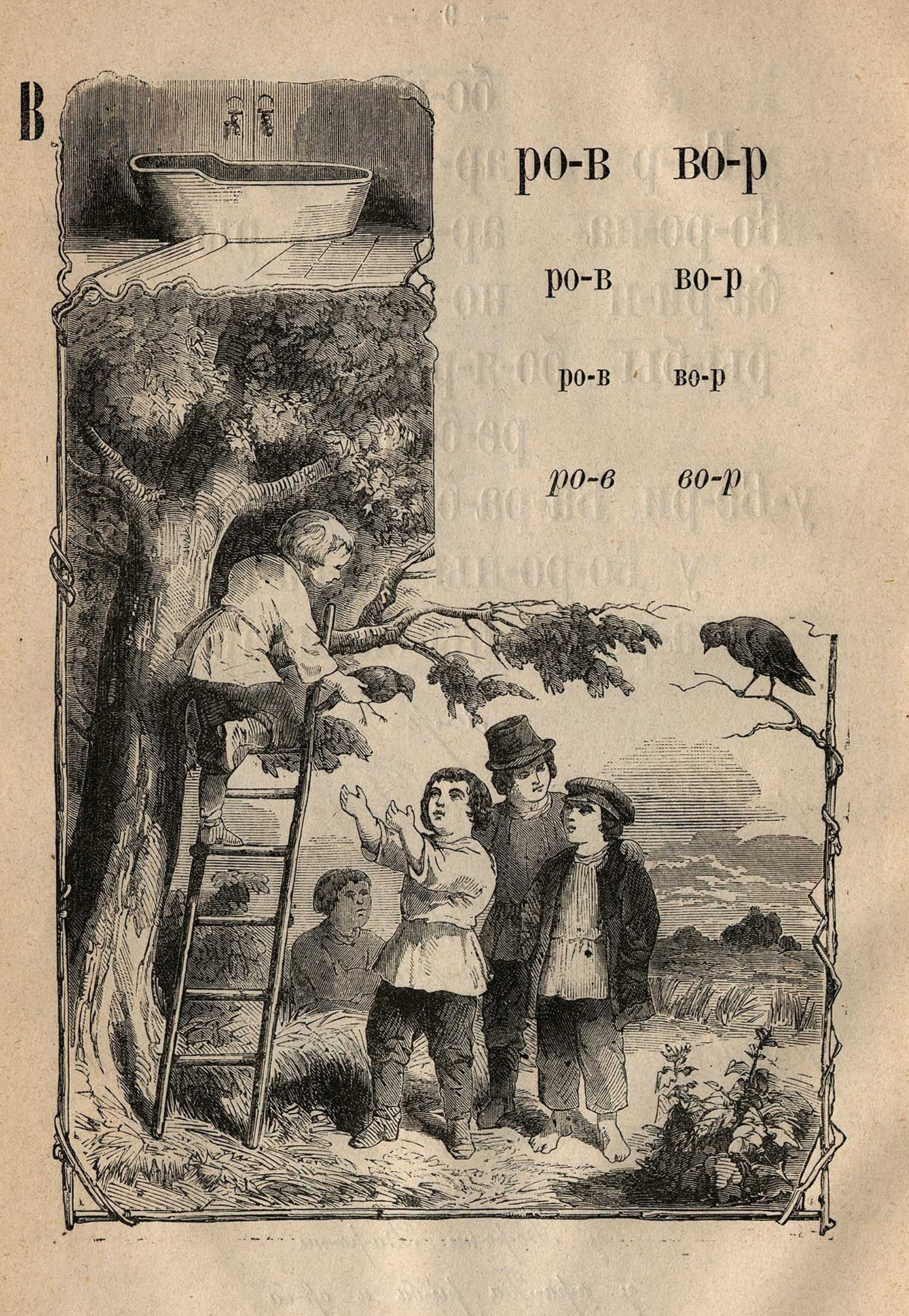
ре-б-ро

у-Бе-ри Ба-ра-ба-н и бу-б-ны

у Бо-ро-ны Ба-ра-ны

у а-ра-Ба ры-ба и ар-ба

В

ро-в во-р

ро-в во-р

ро-в во-р

ро-в во-р

ви-но вы ва-ня

во-ро-на ва-н-на

ва-ри во-ро-н

ни-ва не-ва ва-ря

Ня-ня, не б-ра-ни Ва-ню.

Ва-р-ва-ра, у-бе-ри ви-но и ва-н-ну.

На, бе-ри, Ва-ня, во-ро-ну.

ви-но вы Ва-ня

во-ро-на ва-н-на

ва-ри во-ро-н

ни-ва Не-ва Ва-ря

Ня-ня, не б-ра-ни Ва-ню.

Ва-р-ва-ра, убе-ри ви-но и ва-н-ну.

На, бе-ри, Ва-ня, во-ро-ну.

II

по-п па-р па-па
пи-р пи-во

по-п па-р па-па
пи-р пи-во

по-п па-р па-па
пи-р пи-во

по-п па-р па-па
пи-р пи-во

по-ра па-ра пе-ро
ру-по-р при-бо-р п-ро-бо-р
по-ва-р п-ро-во-р-но пи-во-ва-р
По-ва-р, ва-ри пи-во.
Па-па, Ва-ря п-ро-во-р-на.
У Ва-ни па-ра ба-ра-но-в.
на пи-ру и у Ва-ни п-ри-бо-р и ня-ня.

по-ра па-ра пе-ро
ру-по-р при-бо-р п-ро-бо-р
по-ва-р п-ро-во-р-но пи-во-ва-р
По-ва-р, ва-ри пи-во.

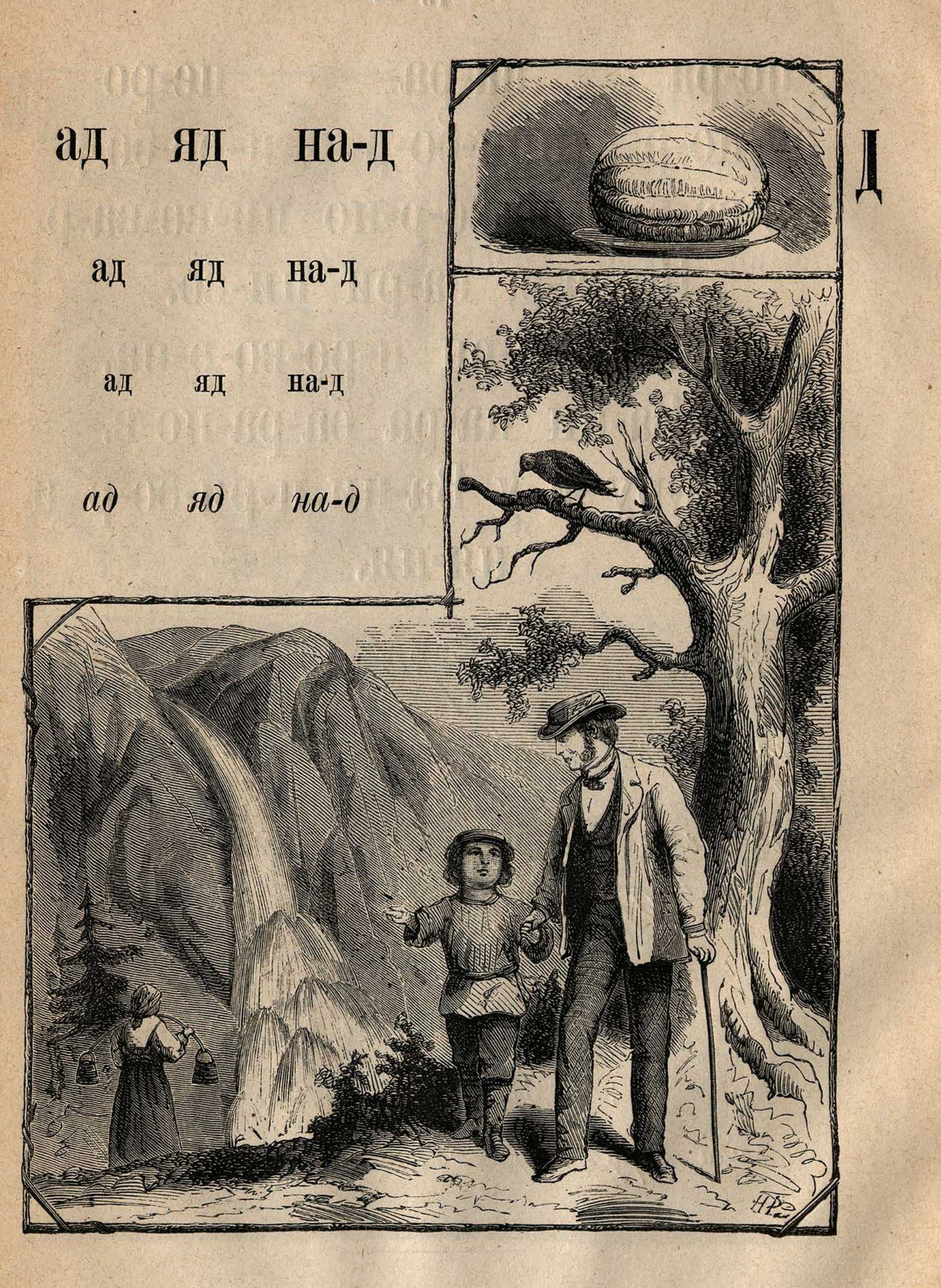
Па-па, Ва-ря п-ро-во-р-на.
У Ва-ни па-ра ба-ра-нов.
На пи-ру и у Ва-ни п-ри-бо-р и ня-ня.

ад яд на-д

ад яд на-д

ад яд на-д

ад яд на-д

Д

бу-ду   ду-б   ви-д
и-ди   ди-во   д-но
да-р   ду-би-на   бо-ро-да
ды-ня   во-да   ви-ды
да-р   До-н   Ду-ня   де-ре-во
де-ре-в-ня   ве-д-ро   ве-д-ра.

Во-ро-на на ду-бу. Ду-б де-ре-во.
Ду-ня, бе-ри ве-д-ра, и-ди на
До-н по во-ду.

Во-да да-р п-ри-ро-ды.

Па-па и Ва-ня у ду-ба. Ви-де-н
во-до-па-д, и на ду-бу во-ро-на.

бу-ду   ду-б   ви-д
и-ди   ди-во   д-но
да-р   ду-би-на   бо-ро-да
ды-ня   во-да   ви-ды
да-р   До-н   Ду-ня   де-ре-во   де-ре-в-ня
ве-д-ро   ве-д-ра.   Во-ро-на на ду-бу.   Ду-б де-ре-во.

Ду-ня, бе-ри ве-д-ра, и-ди на До-н по во-ду.

Во-да да-р п-ри-ро-ды.

Па-па и Ва-ня у ду-ба. Ви-де-н во-до-па-д, и на ду-бу
во-ро-на.

С

но-с ба-с пе-с

но-с ба-с пе-с

но-с ба-с пе-с

но-с ба-с пе-с

са-д со-ва со-р
са-ни с-ва-я се-р-п
с-во-бо-да се-ре-да се-р-на
с-пи ос-па О-си-п

с-ну-р со-бо-р с-бо-ры
бо-са-я ру-са-я бу-сы
са-ди по-са-ди пе-ре-са-ди
Со-ня, и-ди в са-д и по-са-ди дуб.

Во-ро-ну по-са-ди на бо-ро-ну, а со-ву на ду-б.

Не р-ви сы-ры-я ды-ни.

Па-па, я и-ду в со-бо-р.

У Ва-ри Со-ни-ны бу-сы.

У О-си-па на но-су ос-па.

У Ва-си у-сы и бо-ро-да русы.

М

до-М ва-М
да-М Ма-Ма

до-М ва-М
да-М Ма-Ма

до-М ва-М
да-М Ма-Ма

у-м На-у-м
Я да-м и-м смо-ро-ди-ны
На-ум не-си на-м со-ву
Ма-ма мо-я,
Я бу-ду ум-на.
Ду-ня, ва-ри на-м су-п.

у-м На-ум
Я да-м и-м смо-ро-ди-ны
На-ум не-си на-м со-ву
Ма-ма мо-я,
Я бу-ду ум-на.
Ду-ня, ва-ри на-м су-п.

у-м На-у-м
Я да-м и-м смо-ро-ди-ны
На-ум не-си на-м со-ву

Ма-ма мо-я,
Я бу-ду ум-на.
Ду-ня, ва-ри на-м су-п.

Т

б-ра-Т **и-де-Т**

б-ра-Т и-де-Т

б-ра-Т и-де-Т

б-ра-Т *и-де-Т*

дѣ-Ти и-ду-Т
ве-ду-т бра-та
Те-мя Ти-на
Та-ня те-те-ре-ва

па-у-ти-на по-то-п
то-по-т то-т
Ти-т ту-т п-ру-т
Па-па на-м не-се-т те-те-ре-ва

дѣ-Ти и-ду-Т
ве-ду-т бра-та
Те-мя Ти-на
Та-ня те-те-ре-ва

па-у-ти-на по-то-п
то-по-т то-т
Ти-т ту-т п-ру-т
Па-па на-м не-се-т те-те-ре-ва

Л

во-Л по-Л

во-Л по-Л

во-Л по-Л

во-Л *по-Л*

ба-л да-л ло-б
лу-на по-ля у-па-ла
бы-ла О-ля

Ва-ня сѣ-л на сту-л
Ма-ма по-ли-ла ма-ли-ну
Я бы-ла на ба-лу
О-ля и бра-т си-дят на по-лу

ба-л да-л ло-б
лу-на по-ля у-па-ла
бы-ла О-ля

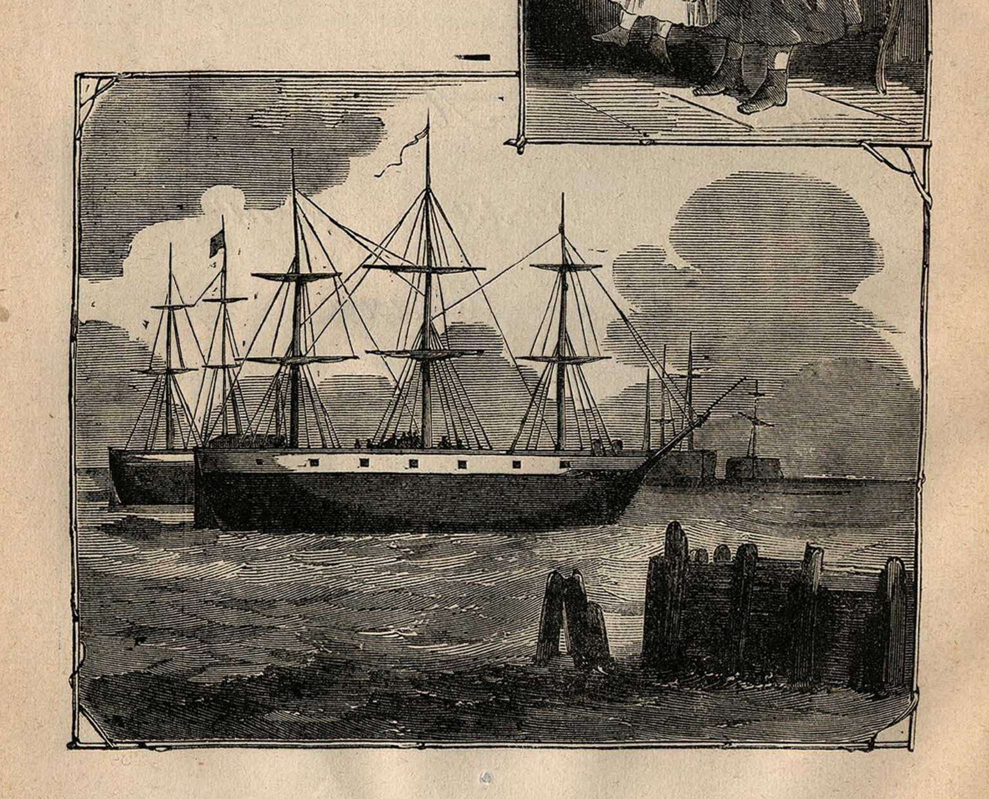
Ва-ня сѣ-л на сту-л
Ма-ма по-ли-ла ма-ли-ну
Я бы-ла на ба-лу
О-ля и бра-т си-дят на по-лу

па-уК оК-но
Ку-К-ла

К

па-уК оК-но
Ку-К-ла

па-уК оК-но
Ку-К-ла

Ка-ку-ю ви-да-ла я ку-к-лу!
О-на кра-си-ва-я, куд-ря-ва-я,
ру-мя-на-я ка-к О-ля.
Ку-к бы-л мо-ря-к
Ка-к мо-ре вол-ну-ет-ся
Ка-к на не-мъ вол-ны вы-со-ки

Ка-ку-ю ви-да-ла я ку-к-лу!
О-на кра-си-ва-я, куд-ря-ва-я, ру-мя-на-я ка-к
О-ля.
Ку-к бы-лъ мо-ря-к
Ка-к мо-ре вол-ну-ет-ся
Ка-к на не-м вол-ны вы-со-ки

Ка-ку-ю ви-да-ла я ку-к-лу!
О-на кра-си-ва-я, куд-ря-ва-я, ру-
мя-на-я ка-к О-ля.

Ку-к бы-л мо-ря-к
Ка-к мо-ре вол-ну-ет-ся
Ка-к на не-м вол-ны вы-со-ки

З

во-З ар-бу-З
мо-ро-З

во-З ар-бу-З
мо-ро-З

во-З ар-бу-З
мо-ро-З

зи-ма ко-за ст-ре-ко-за
за-но-за зе-м-ля аз-бу-ка
Ва-ди-м за-бы-л аз-бу-ку, а Зи-на
зна-ла.

Зимою земля мерзлая

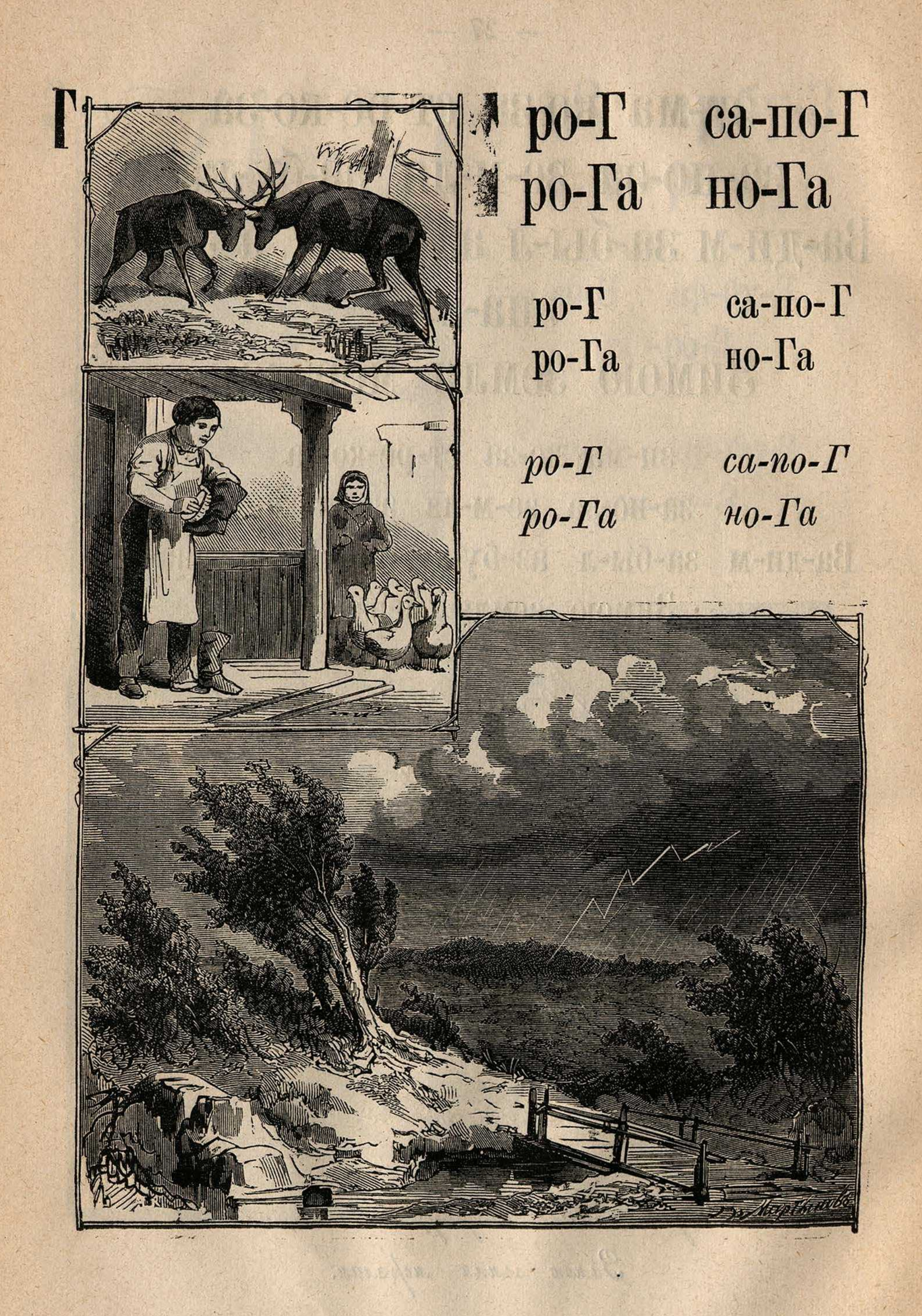
зи-ма ко-за ст-ре-ко-за
за-но-за зе-м-ля аз-бу-ка
Ва-ди-м за-бы-л аз-бу-ку, а Зи-на зна-ла.
Зимою земля мерзлая.

зи-ма ко-за ст-ре-ко-за
за-но-за зе-м-ля аз-бу-ка
Ва-ди-м за-бы-л аз-бу-ку, а Зи-на
зна-ла.

Зимою земля мерзлая.

зи-ма ко-за ст-ре-ко-за
за-но-за зе-м-ля аз-бу-ка
Ва-ди-м за-бы-л аз-бу-ку, а Зи-на зна-ла.
Зимою земля мерзлая.

Г

ро-Г са-по-Г
ро-Га но-Га

ро-Г са-по-Г
ро-Га но-Га

ро-Г са-по-Г
ро-Га но-Га

до-ро-га Г-ла-за
го-ры г-ра-д
Г-ро-за гу-си

до-ро-га Г-ла-за
го-ры г-ра-д
Г-ро-за гу-си

до-ро-га Г-ла-за
го-ры г-ра-д
Г-ро-за гу-си

до-ро-га Г-ла-за
го-ры г-ра-д
Г-ро-за гу-си

Ч

мя-Ч ка-ла-Ч
дер-га-Ч вра-Ч
скри-па-Ч

мя-Ч ка-ла-Ч
дер-га-Ч вра-Ч
скри-па-Ч

Ча-сы че-чо-т-ка чу-че-ло
ска-чо-к вол-чо-к сы-ч
Тучи носят воду,
Вода поит поле,
Поле плод приносит.

Ча-сы че-чо-т-ка чу-че-ло
ска-чо-к вол-чо-к сы-ч
Тучи носят воду,
Вода поит поле,
Поле плод приносит.

Ча-сы че-чо-т-ка чу-че-ло
ска-чо-к вол-чо-к сы-ч
Тучи носят воду,
Вода поит поле,
Поле плод приносит.

Ж

у-Ж па-Ж но-Ж

у-Ж па-Ж но-Ж

у-Ж па-Ж но-Ж

у-Ж па-Ж но-Ж

жи-то жу-к жа-ба
жмурки жниво
Ба-бы и ре-бя-та идут на жниво

Мы жи-ве-м для добра,
а без труда не бывает добра,
стало, мы живем для труда.

жи-то жу-к жа-ба жмурки жниво
Ба-бы и ре-бя-та идут на жниво
Мы жи-ве-м для добра,
а без труда не бывает добра,
стало, мы живем для труда.

жи-то жу-к жа-ба

жмурки жниво

Ба-бы и ре-бя-та идут на жниво

Мы жи-ве-м для добра,
а без труда не бывает добра,
стало, мы живем для труда.

Х

пу-Х о-бу-Х слу-Х

пу-Х о-бу-Х слу-Х

пу-Х о-бу-Х слу-Х

пу-Х о-бу-Х слу-Х

у-хо муха ду-хи
хохот хижина со-ха
Пахучая черемуха
грохот хохол
Весело я лажу борону и соху.
Ва-ди-м хо-ли-т сво-е-го ко-ня.

у-хо му-ха ду-хи хохот хижина со-ха
Пахучая черемуха
грохот хохол
Весело я лажу борону и соху.
Ва-ди-м хо-ли-т сво-е-го ко-ня.

у-хо му-ха ду-хи
хохот хижина со-ха
Пахучая черемуха
грохот хохол
Весело я лажу борону и соху.
Ва-ди-м хо-ли-т сво-е-го ко-ня.

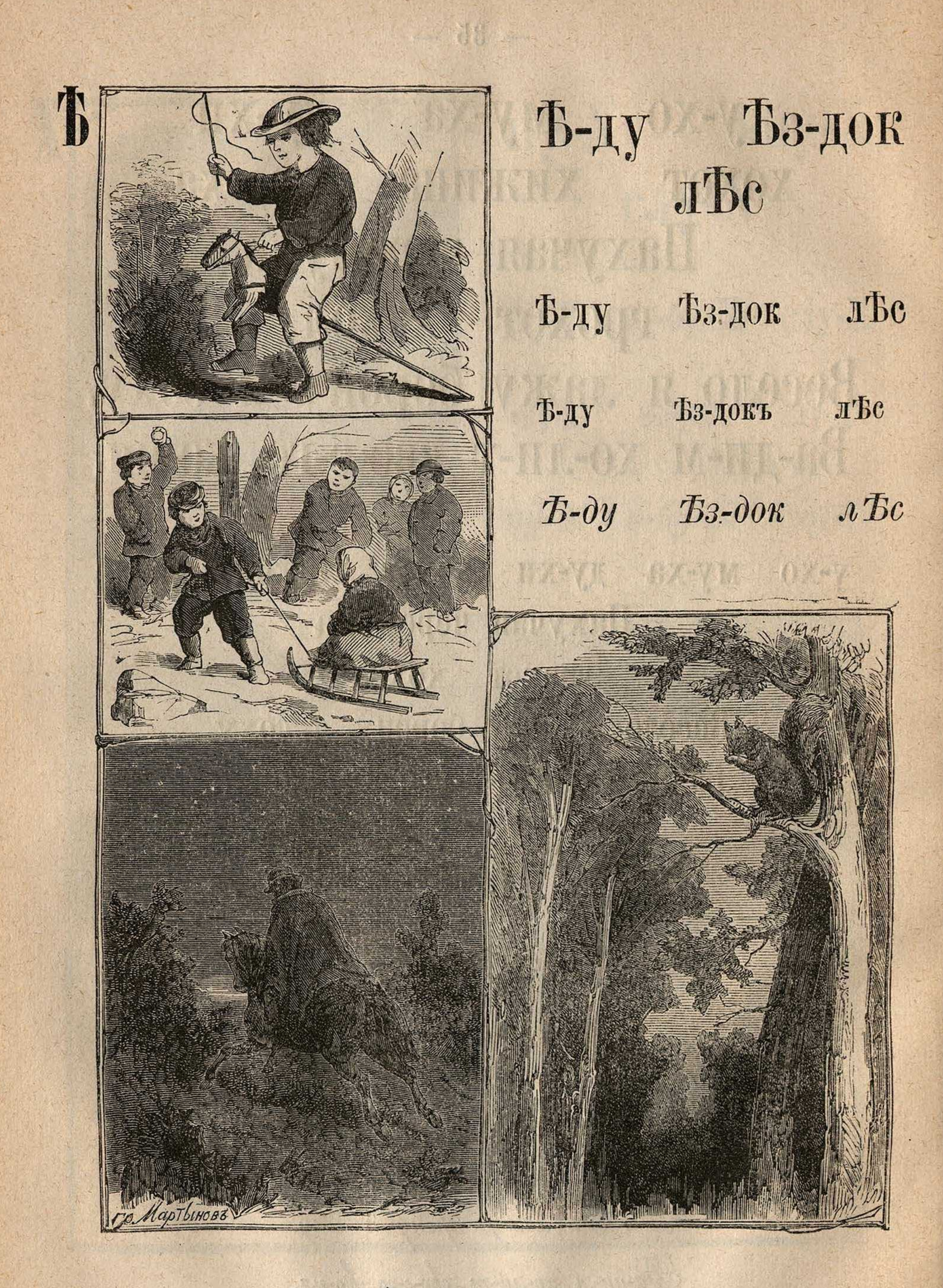
Ѣ

Ѣ-ду Ѣз-док
лѢс

Ѣ-ду Ѣз-док лѢс

Ѣ-ду Ѣз-докъ лѢс

Ѣ-ду Ѣз-док лѢс

бѣлка дѣд вѣтка тѣло вѣра
Ѣду, ѣду, слѣду нѣту,
Рѣжу, рѣжу, крови нѣту.

Кто при звѣздах и при лунѣ
Так поздно ѣдет на конѣ?
На Рождествѣ Вадим много играл в снѣжки и катался с горы.

бѣлка дѣд вѣтка тѣло вѣра
Ѣду, ѣду, слѣду нѣту,
Рѣжу, рѣжу, крови нѣту.

Кто при звѣздах и при лунѣ
Так поздно ѣдет на конѣ?
На Рождествѣ Вадим много играл в снѣжки и катался с горы.

Ю-рта Ю-б-ка
Ю-г

Ю

Ю-рта Ю-б-ка Ю-г

Ю-рта Ю-б-ка Ю-г

Ю-рта Ю-б-ка Ю-г

у-тю-г крюк
Лю-ба лю-б-лю юн-ке-р
Накормлю до сыта
Напою водою.

Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.
Выбѣлим желѣзо
О сырую землю.

у-тю-г крюк
Лю-ба лю-б-лю юн-ке-р
Накормлю до сыта,
Напою водою.

Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.
Выбѣлим желѣзо
О сырую землю.

Ш

мар-Ш ва-Ш
ягд-та-Ш
каранда-Ш

мар-Ш ва-Ш
ягд-та-Ш каранда-Ш

мар-Ш ва-Ш
ягд-та-Ш каранда-Ш

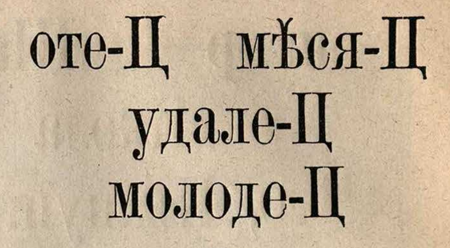
ша-р Шапка Шум
Школа Шо-ро-х
Что, Иванушка, не весел,
Что ты голову повѣсил?

Не шуми ты, рож,
Спѣлым колосом.
Выше пояса рож зернистая.

ша-р Шапка Шум
Школа Шо-ро-х
Что, Иванушка, не весел,
Что ты голову повѣсил?

Не шуми ты, рож,
Спѣлым колосом.
Выше пояса рож зернистая.

Ц

оте-Ц мѣся-Ц
удале-Ц
молоде-Ц

оте-Ц мѣся-Ц
удале-Ц молоде-Ц

оте-Ц мѣся-Ц
удале-Ц молоде-Ц

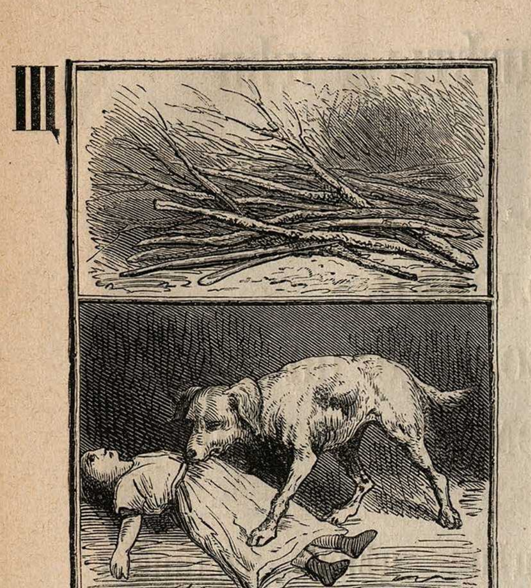
курица цвѣты цѣп
цѣна солнце
Цвѣ-ли, цвѣ-ли цвѣтики,
Да поблекли.
Высоко стоит солнце на небѣ,
Горячо печет землю матушку.

курица цвѣты цѣп цѣна солнце
Цвѣ-ли, цвѣ-ли цвѣтики,
Да поблекли.
Высоко стоит солнце на небѣ,
Горячо печет землю матушку.

курица цвѣты цѣп цѣна солнце
Цвѣ-ли, цвѣ-ли цвѣтики,
Да поблекли.

Высоко стоит солнце на небѣ,
Горячо печет землю матушку.

Щ

хво-Щ Щенок борЩ

хво-Щ Щенок борЩ

хво-Щ Щенок борЩ

хво-Щ Щенок борЩ

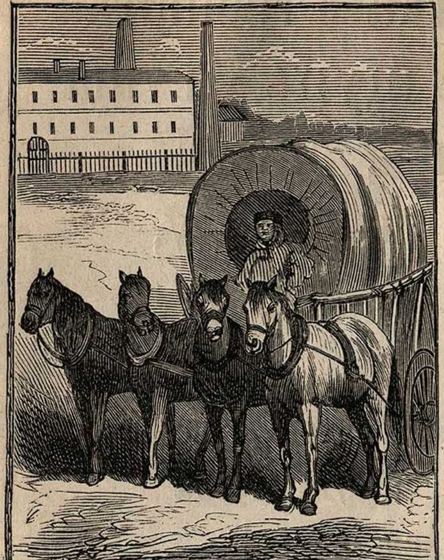
щипцы щетка трещотка
щука щи щуръ гуща
Ну, тащися, сивка!
Ѣду, ѣду не свищу,
А наѣду не спущу.

щипцы щетка трещотка
щука щи щуръ гуща
Ну, тащися, сивка!
Ѣду, ѣду не свищу,
А наѣду не спущу.

щипцы щетка трещотка
щука щи щуръ гуща
Ну, тащися, сивка!

Ѣду, ѣду не свищу,
А наѣду не спущу.

Ф

ка-Ф-танъ
ва-Ф-ли

ка-Ф-танъ **ва-Ф-ли**

ка-Ф-тан **ва-Ф-ли**

ка-Ф-танъ *ва-Ф-ли*

франт ферма фигура
фура тюфяк фабрика
Французы двинулись как тучи
И все на наш редут.

франтъ ферма фигура
фура тюфяк фабрика
Французы двинулись как тучи
И все на наш редут.

франт ферма фигура
фура тюфяк фабрика
Французы двинулись как тучи
И все на наш редут.

франт ферма фигура фура тюфяк фабрика
Французы двинулись как тучи
И все на наш редут.

Ь

огонЬ тѣнЬ
червЬ

огонЬ тѣнЬ червЬ

огонЬ тѣнЬ червЬ

огонЬ тѣнЬ червЬ

боль грудь счастье
семья тюрьма тюль
Жаль больнаго мальчика.
Встань, проснись, подымись,
Вѣдь весна на дворѣ.

боль грудь счастье
семья тюрьма тюль
Жаль больнаго мальчика.
Встань, проснись, подымись,
Вѣдь весна на дворѣ.

боль грудь счастье
семья тюрьма тюль
Жаль больнаго мальчика.

Встань, проснись, подымись,
Вѣдь весна на дворѣ.

Ъ

платокЪ щитЪ столЪ

платокЪ щитЪ столЪ

платокЪ щитЪ столЪ

столь паръ парь колъ коль
сталъ сталь голъ голь
Какъ здоровъ, да молодъ,
Безъ веселья веселъ,
Безъ призыва счастье
И валитъ, и ѣдетъ.

столь паръ парь колъ коль
сталъ сталь голъ голь
Какъ здоровъ, да молодъ,
Безъ веселья веселъ,
Безъ призыва счастье
И валитъ, и ѣдетъ.

столь паръ парь колъ коль

сталъ сталь голъ голь

Какъ здоровъ, да молодъ,
Безъ веселья веселъ,
Безъ призыва счастье
И валитъ, и ѣдетъ.

Эполеты
Экипажъ
Экзаменъ Эхо

Э

Эполеты Экипажъ
Экзаменъ Эхо

Эполеты Экипажъ
Экзаменъ Эхо

экономъ Этна
поэтъ эскадра
этотъ
Эй! садись ко мнѣ, дружокъ!

экономъ Этна
поэтъ эскадра
этотъ
Эй! садись ко мнѣ, дружокъ.

экономъ Этна
поэтъ эскадра
этотъ
Эй! садись ко мнѣ, дружокъ.

экономъ Этна поэтъ
эскадра этотъ
Эй! садись ко мнѣ, дружокъ.

I

молнІя МарІя

молнІя МарІя

молнІя МарІя

іюнь іюль поэзія
Надо жить въ мирѣ и согласіи.
Міръ великъ.

Облака летя сіяютъ
И сіяя улетаютъ
За далекіе лѣса.

іюнь іюль поэзія
Надо жить въ мирѣ и согласіи.
Міръ великъ.

Облака летя сіяютъ
И сіяя улетаютъ
За далекіе лѣса.

Й

аЙ, аЙ, аЙ
маЙ раЙ

аЙ, аЙ, аЙ
маЙ раЙ

аЙ, аЙ, аЙ
маЙ раЙ

попугай тройка лейка
сайка лай
Приди ты, немощный!
Приди ты, радостный!

Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной,
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится.

попугай тройка лейка сайка лай

Приди ты, немощный!

Приди ты, радостный!

Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной,
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится.

Ѳ ѵ

Голiафъ
Голiаѳъ
Федоръ Ѳедоръ

Голiафъ Голiаѳъ

Федоръ Ѳедоръ

Голiафъ *Голiаѳъ*

Федоръ *Ѳедоръ*

Фома Ѳома
Ѳермопилы Термопилы
Символъ Сѵмволъ

Фома Ѳома
Ѳермопилы Термопилы
Символъ Сѵмволъ

Фома Ѳома
Ѳермопилы Термопилы
Символъ Сѵмволъ

Фома Ѳома
Ѳермопилы Термопилы
Символъ Сѵмволъ

а	б	в	г	д	е	ж	з	и
А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И
і	й	к	л	м	н	о	п	р
І	Й	К	Л	М	Н	О	П	Р
с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ
С	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ
ъ	ы	ь	ѣ	э	ю	я	ѳ	ѵ
Ъ	Ы	Ь	Ѣ	Э	Ю	Я	Ѳ	Ѵ

а	*б*	*в*	*г*	*д*	*е*	*ж*	*з*	*и*	*і*	*й*	*к*
А	*Б*	*В*	*Г*	*Д*	*Е*	*Ж*	*З*	*И*	*І*	*Й*	*К*
л	*м*	*н*	*о*	*п*	*р*	*с*	*т*	*у*	*ф*	*х*	*ц*
Л	*М*	*Н*	*О*	*П*	*Р*	*С*	*Т*	*У*	*Ф*	*Х*	*Ц*
ч	*ш*	*щ*	*ъ*	*ы*	*ь*	*ѣ*	*э*	*ю*	*я*	*ѳ*	*ѵ*
Ч	*Ш*	*Щ*	*Ъ*	*Ы*	*Ь*	*Ѣ*.	*Э*	*Ю*	*Я*	*Ѳ*	*Ѵ*

Гос-по-ди по-ми-луй! Гос-по-ди по-ми-луй! Гос-по-ди по-ми-луй!

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

От-че нашъ, и-же е-си на не-бе-сѣхъ! Да свя-тит-ся И-мя Тво-е, да прі-и-детъ цар-стві-е Тво-е, да бу-детъ во-ля Тво-я я-ко на не-бе-си и на зем-ли. Хлѣбъ нашъ на-сущ-ный даждь намъ днесь и о-ста-ви намъ дол-ги на-ши, я-ко-же и мы о-став-ля-емъ долж-ни-комъ на-шимъ, и не вве-ди насъ во ис-ку-ше-ні-е, но из-ба-ви насъ отъ лу-ка-ва-го.

Я-ко Тво-е есть цар-ство и си-ла и сла-ва во вѣ-ки аминь.

Гос-по-ди по-ми-луй! Гос-по-ди по-ми-луй! Гос-по-ди по-ми-луй!

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

От-че нашъ, и-же е-си на не-бе-сѣхъ! Да свя-тит-ся И-мя Тво-е, да прі-и-детъ цар-ствi-е Тво-е, да бу-детъ во-ля Тво-я я-ко на не-бе-си и на зем-ли. Хлѣбъ нашъ на-сущ-ный даждь намъ днесь и о-ста-ви намъ дол-ги на-ши, я-ко-же и мы о-став-ля-емъ долж-ни-комъ на-шимъ и не вве-ди насъ во ис-ку-ше-ні-е, но из-ба-ви насъ отъ лу-ка-ва-го.

Я-ко Тво-е есть цар-ство и си-ла и сла-ва во вѣ-ки а-минь.

МОЛИТВА СВ. ЕФРЕМА СИРИНА.

Гос-по-ди и Вла-ды-ко жи-во-та мо-е-го! Духъ празд-но-сти, у-ны-нi-я, лю-бо-на-ча-лi-я и празд-но-сло-вi-я не даждь ми.

Духъ же цѣ-ло-му-дрi-я, сми-рен-но-му-дрi-я, тер-пѣ-нi-я и люб-ви да-руй ми ра-бу Тво-е-му.

Ей, Гос-по-ди Ца-рю! Да-руй ми зрѣ-ти мо-я пре-грѣ-ше-нi-я и не о-суж-да-ти бра-та мо-е-го, я-ко бла-го-сло-венъ е-си во вѣ-ки вѣ-ковъ. Аминь.

На свѣ-тѣ пять странъ: Ев-ро-па, А-зі-я, Аф-ри-ка, А-ме-ри-ка и Ав-стра-лі-я.

На-ше о-те-че-ство, Рос-сі-я, ле-житъ въ Ев-ро-пѣ и въ А-зі-и.

У насъ мно-го горъ вы-со-кихъ, рѣкъ мно-го-вод-ныхъ, мо-рей не-о-гля-д-ныхъ, рав-нинъ об-шир-ныхъ, о-зеръ гро-мад-ныхъ, го-ро-довъ мно-го-люд-ныхъ.

На-ши го-ры: У-ралъ, бо-га-тый зо-ло-томъ, се-реб-ромъ, мѣдь-ю, же-лѣ-зомъ и до-ро-ги-ми кам-ня-ми, Кав-казъ съ снѣ-го-вы-ми вер-ши-на-ми, Ал-тай, Ста-но-вы-я, Кам-чат-скі-я го-ры и мн-ого дру-гихъ.

На-ши рѣ-ки: Вол-га, О-ка, Ка-ма, Мос-ква, Не-ва, Вол-ховъ, Дви-на, Бугъ, Днѣпръ, Донъ, Вис-ла, У-ралъ, Обь, Е-ни-сей, Ле-на, А-муръ и мно-го дру-гихъ.

На-ши мо-ря по гра-ни-цамъ: Сѣ-вер-но-е, Бѣ-ло-е, Бал-тій-ско-е, Чер-но-е, А-зов-ско-е, Кас-пій-ско-е, А-раль-ско-е, О-хот-ско-е и Ти-хій о-ке-анъ.

На-ши о-зе-ра: Ла-дож-ско-е, О-неж-ско-е, Иль-мень, Чуд-ско-е, Се-ли-геръ, Эл-тон-ско-е, Ча-ны, Бал-хашъ, Бай-калъ, Пе-ре-я-слав-ско-е и мно-го дру-гихъ.

На-ши го-ро-да: Пе-тер-бургъ, сто-ли-ца им-пе-ріи Рос-сій-ской, Мос-ква, древ-няя сто-ли-ца рус-скихъ ца-рей, Кі-евъ—мать го-ро-довъ рус-скихъ, Нов-го-родъ, древ-нѣй-ша-я сто-ли-ца рус-скихъ кня-зей, Ка-зань, быв-ша-я та-тар-ска-я сто-ли-ца, Вар-ша-ва, быв-ша-я поль-ская сто-ли-ца, Харь-ковъ, Одес-са, Сим-бирскъ, Тиф-лисъ, быв-шая гру-зин-ска-я сто-ли-ца, Вла-ди-міръ, Гель-синг-форсъ, сто-ли-ца ве-ли-ка-го кня-же-ства Фин-лянд-скаго, Са-ра-товъ, О-релъ, Виль-на, быв-ша-я ли-тов-ска-я сто-ли-ца, Ри-га, Ар-хан-гельскъ, Ас-тра-хань, Та-ган-рогъ, Ир-кутскъ, То-больскъ, Томскъ, и о-чень мно-го дру-гихъ.

Мо-е оте-че-ство—Рос-сія, и я о-чень счаст-ливъ тѣмъ, что я рус-скій.

Я люб-лю Русь свя-ту-ю, какъ от-ца и какъ мать.

Кро-мѣ глав-на-го и луч-ша-го на-ро-да, рус-ска-го, мно-го е-ще на Ру-си раз-ныхъ мел-кихъ, сто-рон-нихъ, не-рус-скихъ пле-менъ: та-та-ры, нѣм-цы, фин-ны, лит-ви-ны, гру-зи-ны, бу-ря-ты, по-ля-ки, кал-мы-ки, шве-ды, кам-ча-да-лы, чук-чи и мно-го дру-гихъ. Но всѣ о-ни, подъ ски-пет-ромъ од-но-го Ца-ря рус-ска-го,

со-вре-ме-немъ соль-ют-ся въ о-динъ ве-ли-кій рус-скій на-родъ.

Кто не вой-детъ въ рус-скую плоть и въ рус-скій духъ, то-го намъ не на-до.

Пре-крас-ная мо-я ро-ди-на! Я по-слу-жу те-бѣ сво-имъ у-момъ и сво-имъ тру-домъ, а ес-ли нуж-но бу-детъ, то и сво-ей кровь-ю.

ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ.

Вначалѣ наша великая славянская земля была очень мало населена. Люди великаго славянскаго племени жили семьями, родами, по Днѣпру, по Волгѣ, по Окѣ, по Вислѣ, по Дунаю, по Моравѣ и по другимъ рѣкамъ, а также по горамъ Карпатскимъ и по Балтійскому морю. Жили дико, не богатѣли, грамоты не знали и не знали истиннаго Бога, а покланялись идоламъ и даже людей приносили въ жертву своимъ истуканамъ. Землю пахали мало, а больше ловили звѣрей и рыбу. Почти по всей нашей землѣ стояли тогда дремучіе, неисходные лѣса, а люди жили больше по берегамъ рѣкъ и озеръ. Житье было трудное, опасное. Чужой народъ, варяги, часто нападали и брали что хотѣли. Черезъ славянскія земли шелъ свирѣпый народъ, гунны, потомъ авары, и не было никакой защиты. Сосѣди, свои же славяне, также нападали: раздоры, ссоры, драки безпрестанно, и порядка не было.

Но пришла пора, лѣтъ за тысячу тому назадъ, и началъ понемногу заводиться порядокъ. Новгородскіе славяне, а потомъ кіевскіе и другіе стали признавать власть одного, перваго въ народѣ человѣка, называемаго княземъ, а сила сдѣлала то, что многіе князья стали повиноваться одному, называемому великимъ, и ходили съ нимъ и съ наемными варягами воевать въ далекія, а

также и въ близкія земли. Съ тѣхъ поръ и пошла Русская земля.

Другіе славяне, по рѣкамъ Вислѣ и Одру, были завоеваны пришлымъ народомъ, лехитами (то есть товарищами) изъ варяжскаго племени. Съ тѣхъ поръ пошла земля леховъ или ляховъ, поляковъ.

Въ другихъ славянскихъ земляхъ явились тоже силы, вокругъ которыхъ стали скопляться — тамъ чехи, въ другомъ мѣстѣ моравы, тамъ сербы, а тамъ поморяне, возлѣ Балтійскаго моря.

Сто лѣтъ сряду Русская земля крѣпла, богатѣла, устраивалась, и была уже сильнымъ государствомъ, когда кіевскій князь Владиміръ оставилъ язычество и принялъ христіанскую вѣру. Это было большимъ счастіемъ для Русской земли. Русскіе люди познали истиннаго Бога, и соединились въ единой святой Православной вѣрѣ. Отъ этого, хотя они при сыновьяхъ и дальнихъ потомкахъ Владиміра жили подъ властью разныхъ князей, однако все оставались единымъ православнымъ русскимъ народомъ.

Другіе славянскіе народы около того-же времени, приняли христіанскую вѣру, и нѣкоторые изъ нихъ донынѣ остались православными, а другіе были потомъ совращены въ латинскую вѣру.

Владиміръ, передъ смертію своею, раздѣлилъ землю русскую своимъ двѣнадцати сыновьямъ. И пошла неурядица попрежнему, братья ссорились между собою, воевали, проливали кровь, разоряли русскія села, убивали другъ друга, спорили о томъ, кому быть на Руси первымъ, то-есть Великимъ княземъ. Внуковъ, правнуковъ и дальнихъ потомковъ Владиміра было уже такъ много, что однихъ Великихъ князей считалось девять, а ихъ сродниковъ, которые управляли небольшими, малолюдными отчинами, было много десятковъ. Не смотря на

ссоры князей, народъ богатѣлъ; распахивались новыя земли, велась торговля, воздвигались и блестѣли золотомъ и жемчугомъ святые храмы; строились города, и иноземцы съ завистью смотрѣли на великолѣпный Смоленскъ, на Кіевъ, на Новгородъ, на Витебскъ, на Владиміръ-Волынскій и на Галичъ.

Но власть была въ очень многихъ рукахъ, и потому силы было мало, а потому Русь не могла справиться съ сильнымъ непріятелемъ, который налетѣлъ на нашу землю, какъ неодолимая моровая язва.

Слишкомъ шесть сотъ лѣтъ тому назадъ съ востока повалила страшная орда дикихъ, кровожадныхъ, звѣрскихъ татаръ. Они проходили по нашей землѣ, какъ потокъ огня и смерти. Попадалась деревня,—они жгли деревню, а жителей избивали. Набредутъ на городъ— все разграбятъ, городъ сожгутъ, жителей побьютъ, а иныхъ уведутъ въ плѣнъ. Пощады не было никому. Гдѣ ни пройдетъ дикая орда, тамъ остается голая, пустынная и смрадная степь. Народъ стоялъ за себя грудью, оборонялся въ городахъ, въ церквахъ, и погибалъ тысячами; а князья все не мирились, не забывали старинныхъ своихъ ссоръ, спорили о томъ, кто изъ нихъ старшій, и Русская земля не поднималась вся вмѣстѣ на дикихъ опустошителей.

Татары сожгли Пронскъ, Рязань, Москву, Владиміръ, Переяславль, Черниговъ, Кіевъ, Галичъ, Кременецъ и множество другихъ городовъ, и возвратились за Волгу съ огромной добычею и съ множествомъ рабовъ. Съ тѣхъ поръ татарскій ханъ сталъ главнымъ властелиномъ Руси, раздавалъ князьямъ области, назначалъ Великаго князя, разбиралъ ссоры между князьями и виновныхъ наказывалъ даже смертью. Вся Русь обложена была данью; народъ платилъ все, что требовали ханы, а кто не платилъ, того отводили въ неволю. Великіе

князья ѣздили въ орду на поклонъ, возили дань и подарки ханскимъ женамъ и служителямъ.

Съ другой стороны и въ тоже время, у Руси были еще враги, гораздо опаснѣе татаръ: нѣмцы, шведы, литвины и поляки.

Наши приморскія области, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, были населены финнами и латышами, народами не славянскаго племени. Для ихъ обузданія, давно уже стоялъ на ихъ землѣ русскій городъ Юрьевъ, что нынѣ называется Дорпатомъ или Дерптомъ. Лѣтъ пятьсотъ тому назадъ явился къ латышамъ и финнамъ проповѣдывать христіанскую вѣру латинскій священникъ. Для безопасности, онъ выпросилъ у русскаго полоцкаго великаго князя позволеніе построить на берегу рѣки Двины городокъ или маленькую крѣпость Икскуль. За латинскимъ священникомъ явился нѣмецкій баронъ, съ своими рыцарями, началъ обращать тамошнихъ дикарей въ христіанскую вѣру силою оружія, и основалъ на Двинѣ городъ Ригу, уже не спрашивая законныхъ владѣтелей Двины, русскихъ князей полоцкихъ. Нѣмецкіе рыцари завоевали финскія и латышскія земли и начали постоянно нападать на русскія земли въ то самое время, какъ татары разоряли нашъ Кіевъ, а шведы собирались покорить себѣ Новгородъ. Великому князю Александру Невскому досталась честь побить шведовъ на берегу Невы, а потомъ выгнать нѣмецкихъ рыцарей изъ Пскова, которымъ они уже овладѣли. Вслѣдъ за тѣмъ пришлось отбиваться отъ литвиновъ, которые нападали на русскія области.

Литва былъ немночисленный, дикій народъ, занимавшійся грабежомъ. Мало-по-малу литовскіе князья вошли въ родство съ князьями русскими, приняли православную вѣру, и забрали много русскихъ земель то въ видѣ приданаго, то силою оружія. Та часть Руси, ко-

торая была подъ властью князей изъ литовскаго рода, а потомъ и ихъ родственниковъ, начала называться Литвою. Вскорѣ Литва присоединилась къ Польшѣ, и старинныя русскія области перешли подъ власть враждебныхъ намъ поляковъ. Такъ святая Русь со всѣхъ сторонъ была обобрана, оскорблена, унижена, угнетена и разорена нѣмцами, шведами, литвою, поляками и татарами, а та часть, которая платила дань татарамъ, въ добавокъ, была раздѣлена болѣе нежели на десять почти независимыхъ одна отъ другой частей. Въ такомъ страшномъ положеніи, Руси почти не было. И въ самомъ дѣлѣ, что значила малолюдная земля, по которой рыскали татарскіе сборщики податей, требовали дани, и хотя платящихъ оставляли въ покоѣ заниматься своимъ дѣломъ, но должниковъ подвергали ужаснымъ пыткамъ: били ихъ кнутами, розгами, вывертывали имъ руки, всячески пытали и казнили смертью. До татарскаго данничества у насъ не было этихъ ужасовъ, и величайшею казнью былъ у насъ стыдъ. Русскій человѣкъ говорилъ: *да будетъ мнѣ стыдно*, если не исполню своего обѣщанія, и это было сильнѣе всякой клятвы. Но татарская неволя отняла у насъ эту гордую честность. Со всѣхъ сторонъ Русь обложилась темною, непроглядною ночью. Приходилось Русской землѣ съ одной стороны отатариться, съ другой ополячиться, съ третьей онѣмечиться, и конечно не осталось-бы ничего на свѣтѣ русскаго, еслибы въ русскомъ народѣ не было затаено великихъ неодолимыхъ силъ.

Среди темной ночи блестѣла на Руси ясною звѣздою одна для всѣхъ насъ православная вѣра, а съ тѣхъ поръ какъ митрополитъ всея Руси, святой Петръ, переѣхалъ въ Москву, весь народъ русскій мало-по-малу сталъ собираться вокругъ Москвы, князья опомнились и понемногу перестали враждовать между собою. Поэтому, не смо-

тря на постыдное данничество, Русь крѣпла, усиливалась и черезъ 137 лѣтъ послѣ нашествія татаръ, великій князь московскій Дмитрій разбилъ татарскія полчища на голову и положилъ двѣсти тысячъ враговъ на Куликовомъ полѣ.

Еще много времени нужно было, чтобы Россія одолѣла татаръ совершенно, и только черезъ 172 года послѣ Куликовской побѣды, Россія совсѣмъ покорила себѣ татарскія царства Казанское и Астраханское. Съ тѣхъ поръ земли казанская и астраханская стали коренною русскою землею.

Несравненно труднѣе была борьба съ непріятелемъ западнымъ, именно съ поляками, которые завладѣли было цѣлою половиною Русской земли. Эта борьба только теперь приближается къ концу.

А много было пролито съ обѣихъ сторонъ крови и много было употреблено со стороны непріятеля хитрости, чтобы насъ одолѣть. Сначала они насъ и одолѣли. Они видѣли, что православный русскій народъ подъ ихъ властью все не становится польскимъ народомъ, все тянетъ къ великой православной Руси. И придумали они обратить его изъ православной вѣры въ свою, латинскую. Но народъ не слушалъ. Тогда они придумали новую ересь, средину между православіемъ и латинствомъ подъ названіемъ уніи, оставили народу всѣ обряды, а главою признали латинскаго патріарха или папу римскаго, и отдали православныя церкви на откупъ жидамъ. Тяжко было народу. Арендаторы не отпирали церквей для богослуженія иначе, какъ за деньги; брали деньги за похороны, за крестины, за свадьбы, за всякій священный обрядъ. Были свободны отъ постыднаго сбора только тѣ, которые признавали главою своей церкви римскаго патріарха.

Лѣтъ за двѣсти пятьдесятъ тому назадъ случилось, что наслѣдникъ русскаго царя, царевичъ Димитрій, былъ убитъ или убился. Поляки придумали смутить Русь ложнымъ Димитріемъ, подготовили къ этому бѣглаго монаха, назвали его Димитріемъ, дали ему войско и повели на московскій престолъ. Цѣлыя десять лѣтъ Русь не могла успокоиться по случаю этого нашествія. Народъ увѣрили, что царевичъ случайно избавился отъ смерти и идетъ занять престолъ, законно ему принадлежащій. Народъ встрѣтилъ его радушно, какъ всегда встрѣчаетъ своихъ царей, а когда ложный Димитрій вступилъ на московскій престолъ, то поляки начали нагло хозяйничать въ Москвѣ и на Руси. Но скоро народъ позналъ свою ошибку, потому что законный русскій царь не даетъ хозяйничать иноземцамъ. Самозванца убили, но поляки все входили въ Россію служить другому самозванцу, а больше для того, чтобы грабить, жечь и разорять Русскую землю. Польскія шайки бродили по цѣлой Руси; къ нимъ присоединились и злые люди, бездомные бродяги изъ русскихъ; они брали что хотѣли, ругались надъ православной святыней, и нигдѣ почти не встрѣчали отпора, потому что нигдѣ не было правильной законной власти. Только одна Троицкая Сергіева лавра, близъ Москвы, стояла крѣпко и не сдавалась шестнадцать мѣсяцевъ тридцати тысячному войску; наконецъ и самъ король польскій вошелъ въ Россію съ своимъ войскомъ. Россія готова была рухнуть къ ногамъ гордой, надменной Польши.

Снова православная вѣра и готовность русскихъ отдать за отечество все—одолѣли всѣхъ непріятелей. Торжество наше началось съ Нижняго-Новгорода. Когда нижегородцы совѣщались на площади о дѣлахъ общественныхъ, то по слову тамошняго мясника Кузьмы Минина положили: постоять грудью за Русскую землю,

ополчиться поголовно, отдать все имѣніе на содержаніе войска, а если нужно будетъ, то заложить женъ и дѣтей и выкупить отечество. Нижегородцы приносили на городскую площадь все, что было у нихъ драгоцѣннаго, а сами вооружались. Русская земля услышала благую вѣсть, и всѣ православные стали тянуть къ Нижнему-Новгороду. Составилось сильное ополченіе. Мининъ избралъ военачальника князя Димитрія Пожарскаго, но самъ былъ при немъ безотлучнымъ и главнымъ совѣтникомъ, управлялъ войсковымъ хозяйствомъ и съ отрядомъ отборныхъ воиновъ бросался въ сраженія и рѣшалъ битву. У русскихъ людей было одно на умѣ: очистить Москву и Русь отъ поляковъ, а потомъ всею землею позаботиться о томъ, кого избрать царемъ. По-этому Мининъ принималъ въ свое ополченіе только природныхъ русскихъ.

Нижегородское ополченіе подъ Москвою вступило въ жестокую битву съ поляками и прогнало ихъ. Но часть польскаго войска заперлась въ Кремлѣ и ни за что не хотѣла уходить. Пришлось выморить ихъ голодомъ, а потомъ идти на приступъ. Столица была освобождена, но на Руси долго еще рыскали шайки польскихъ и русскихъ бродягъ для грабежа. Въ Москвѣ собрался изъ выборныхъ большой земскій совѣтъ и единогласно избралъ царемъ боярина Михаила Ѳеодоровича Романова.

Долго Русь не могла оправиться отъ польскаго и шведскаго разоренія, долго еще воевала она съ поляками, и наконецъ чтобы успокоиться, опомниться и собраться съ духомъ, уступила имъ Смоленскъ и богатую Сѣверскую область, а шведамъ — тѣ обширныя земли, на которыхъ послѣ былъ построенъ Петербургъ.

Сильно стѣсненная съ польской и шведской сторонъ, Русь увеличивалась на востокъ, присоединила къ себѣ

Сибирь, стала добывать металлы и соль, получала дорогіе мѣха, богатѣла, а западные братья наши, подъ польскимъ владычествомъ, съ завистью смотрѣли на процвѣтающую единовѣрную Русь. Унія тамъ дѣлала свое дѣло. Многіе русскіе люди, боясь угнетенія и разоренія, отреклись отъ вѣры отцовъ и перешли въ латинскую ересь. За то у тѣхъ, кто оставался вѣренъ православію, отняты были земли и отданы польскимъ панамъ, а православнымъ нигдѣ не было никакого хода. Малороссія, съ казаками, долго оставалась подъ польскимъ гнетомъ. Поляки такъ долго тѣснили православную вѣру, что наконецъ казаки возстали противъ пановъ, очень долго съ ними воевали, въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ побѣдили ихъ; побили ихъ многое множество и отдались всѣ родной по вѣрѣ Россіи.

Такъ, проживъ болѣе восьми вѣковъ, Россія все боролась съ внѣшними врагами, вынесла на себѣ и потомъ сбросила съ себя тяжкое рабство, вынесла вторженіе поляковъ и всю неурядицу, отъ этого происшедшую, защищалась отъ нападеній нѣмцевъ и шведовъ, тратила всѣ свои силы и отстала отъ своихъ сосѣдей европейцевъ. Когда у насъ вовсе еще не было гражданской печати, въ Англіи закономъ было постановлено, что каждый человѣкъ можетъ свободно въ печати выражать то, что онъ думаетъ. Въ Европѣ была уже огромная сухопутная и морская торговля со всѣми частями свѣта, были громадныя фабрики, были безчисленныя школы, были высшія училища. А мы?—Мы только что избавились отъ рабства, отбивались отъ нѣмцевъ, поляковъ и шведовъ, спорили съ ними за границы, а дома едва умѣли соткать грудный узенькій холстъ изъ своего превосходнаго льну, и съ удивленіемъ пальцами указывали на рѣдкаго человѣка, который съ грѣхомъ пополамъ умѣлъ читать и писать. Такъ далеко отстали мы отъ европей-

цевъ, какъ безграмотный, хотя и умный дикарь далекъ отъ ученаго, много видавшаго и хорошо вооруженнаго человѣка. Понятное дѣло, что при всякой встрѣчѣ съ образованнымъ человѣкомъ, дикарь будетъ въ проигрышѣ и будетъ годиться развѣ на то, чтобы доставлять дичь и другую провизію къ обѣду европейца, получая за это сукно и прочіе предметы одѣянія. Въ такомъ положеніи были мы въ Европѣ. Чтобы не быть битыми и пристыженными при каждой встрѣчѣ, надо было учиться, сильно учиться.

Въ то время, какъ Русская земля стала учиться, кончается наша древняя исторія и начинается средняя.

КАКЪ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ УЧИЛАСЬ И РОСЛА.

Русь оставила всѣ споры съ сосѣдями за границы и 170 лѣтъ тому назадъ принялась за ученье. Самъ царь Петръ Алексѣевичъ поѣхалъ за границу посмотрѣть, что надо перенять, чему надо научиться.

Сначала онъ остановился въ нѣмецкомъ городѣ Ригѣ, который былъ построенъ на берегу рѣки Двины, на землѣ первоначально выпрошенной латинскимъ священникомъ у русскаго полоцкаго великаго князя. Шведскій губернаторъ принялъ царя недружелюбно, даже грубо. Дальше царь остановился въ Берлинѣ и учился тамъ европейской вонной службѣ. Потомъ онъ проѣхалъ въ Голландію и былъ изумленъ чудесами знанія, терпѣнія и труда. Его удивляли такіе предметы, которые теперь извѣстны даже ученикамъ гимназій. Онъ давно зналъ, что есть орудія, которыми напр. можно измѣрить разстояніе между двумя предметами, къ которымъ нельзя подойти, но въ Москвѣ съ трудомъ нашелъ иноземца,

который могъ объяснить ему это орудіе; за границей же онъ увидѣлъ, что почти каждый школьникъ имѣетъ понятіе объ этомъ хитромъ инструментѣ. Онъ увидѣлъ цѣлыя тысячи людей, которые умѣютъ въ открытомъ морѣ находить дорогу, и по цѣлому мѣсяцу не видя береговъ, попадаютъ въ тотъ портъ, въ который хотятъ. Онъ увидалъ цѣлую низменную страну, отгороженную отъ моря плотинами, тогда какъ у насъ были несмѣтныя пространства земли, еще не тронутой плугомъ. Онъ любовался сотнями искусственныхъ каналовъ, по которымъ барки съ товарами переходили изъ одной рѣки въ другую, тогда какъ у насъ во многихъ природныхъ рѣкахъ не было проходу для барокъ. Онъ видѣлъ множество деревень, состоящихъ сплошь изъ каменныхъ домовъ, тогда какъу насъ и дворцы строились изъ бревенъ. Онъ былъ изумленъ тѣмъ, что въ чужихъ краяхъ и небогатые люди пользуются всѣми тѣми удобствами, какія у насъ доставались только богатымъ. Онъ видѣлъ школы почти въ каждой деревнѣ и огромныя высшія училища въ большихъ городахъ, тогда какъ у насъ не всѣ бояре умѣли читать и писать.

Горько ему стало за свою великую родину, которая стояла особнякомъ, покрытая мглою незнанія и среди домашней неурядицы, среди заботъ освобожденія отъ разныхъ враговъ, полудикая, ничего не знала о великихъ успѣхахъ человѣческаго ума. Надо было вдвинуть Русь въ Европу и догонять сосѣдей въ дѣлѣ науки. На это Петръ употребилъ усилія своей самодержавной власти, самъ учился и русскихъ заставлялъ учиться. Много молодыхъ людей оставилъ за границей учиться и многихъ посылалъ еще каждый годъ, назначая кому чѣмъ за границей заниматься. Кромѣ того, онъ нанялъ въ русскую службу много разныхъ мастеровъ и много офицеровъ для обученія войска военному дѣлу на европейскій

ладъ. Онъ считалъ, что намъ всего прежде нужно хорошее войско, потому что онъ хотѣлъ сноситься съ сосѣдями какъ равный, а не выпрашивать ихъ милости. И въ образованіи войска онъ успѣлъ. Хотя сначала шведы и побили насъ подъ Нарвой, но за то послѣ мы ихъ жестоко разбили подъ Полтавой, потомъ нѣсколько разъ еще побили на морѣ, и пріобрѣли отъ нихъ старинную нашу область на рѣкѣ Невѣ, гдѣ основанъ Петромъ Петербургъ, новая столица, и завоевали наши прибалтійскія губерніи, въ то время принадлежавшія шведамъ. Мы добились того, что намъ было нужно, захватили морской берегъ и принялись торговать съ Европой.

Особенно большаго труда стоило образованіе. Мы давно знали, что ученье — свѣтъ, а неученье — тьма; но все лѣнь было приняться за науку. Отъ этого Петру пришлось даже насильно заставлять дворянъ учиться и наказывать тѣхъ, кто не повиновался. Было заведено немало школъ, но за границею нанятые учителя были не изъ лучшихъ и плохо дѣлали свое дѣло. У настоящихъ знатоковъ учились только тѣ молодые люди, которыхъ Петръ посылалъ за границу: но такихъ было немного, и потому при Петрѣ Русь только начала учиться. Еще труднѣе намъ было обзавестись своею промышленностью на европейскій ладъ, устроить фабрики и заводы. На это нужны большіе капиталы и много терпѣнія. Но Европа, послѣ завоеванія Петромъ морскаго берега, стала такъ недалеко отъ Петербурга, а намъ такъ хотѣлось поскорѣе имѣть всѣ фабричные предметы, что мы ихъ обыкновенно покупали за границей готовые, а у себя все не собрались дѣлать. Однако мы понемногу начали ковать желѣзо, лить пушки, ткать сукно, и пр. и пр., — но такъ привыкли за всякою бездѣлицей обращаться въ Европу, что лучшихъ сортовъ товаровъ до сихъ поръ не дѣлаемъ дома, а покупаемъ ихъ за границей.

Петръ такъ озабоченъ былъ устройствомъ новыхъ порядковъ въ своемъ отечествѣ, что ему некогда было подумать о крестьянахъ. Чтобы забота о нихъ не отнимала у него времени, онъ покончилъ дѣло, начатое за сто лѣтъ до него: прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ и запретилъ имъ переселяться и искать лучшихъ, выгоднѣйшихъ для труда мѣстъ.

Между тѣмъ поляки продолжали по прежнему тѣснить и угнетать нашихъ единокровныхъ братьевъ, бывшихъ подъ ихъ властью. Угнетенные взывали къ великодушію русскихъ императоровъ и императрицъ и просили помощи. И наше правительство постоянно заступалось за православныхъ, и по этому такъ близко вошло въ польскія дѣла, что короля, выбраннаго поляками, не признало, изгнало его изъ Польши и заставило выбрать другаго. Больше 130 лѣтъ тому назадъ мы уже овладѣли Варшавой, а когда воевали съ Пруссіею, то приходили въ Польшу отдыхать на зимнихъ квартирахъ.

Въ то же время у насъ были другіе буйные сосѣди, въ Крыму. Тамъ подъ властью турецкаго султана, сидѣла татарская орда, которая нерѣдко приходила въ наши предѣлы, грабила деревни, уводила народъ въ неволю и бѣжала въ Крымъ, какъ только показывались наши войска. Въ наказаніе за это, съ татарами было сдѣлано тоже, что и они дѣлали съ нами: войска наши вошли въ Крымъ и опустошили половину его: все, что могло горѣть, сожгли, а жителей избили. Но крымскіе татары не давали намъ покою до тѣхъ поръ, пока Русь не раздавила, не уничтожила татарскую орду.

Сначала мы покончили съ Крымомъ, а черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того и съ Польшей. Два хана крымскіе рѣзались между собою, опустошали Крымъ и старались одолѣть одинъ другаго. Турки стали помогать одному изъ нихъ, русское войско турокъ прогнало, а

татаръ усмирило и привело въ русское подданство. Это было намъ выгодно не потому, что Россія увеличилась: одна величина не составляетъ еще силы; а потому особенно, что у насъ не стало безпокойнаго сосѣда, а границы наши дошли до безспорнаго и постояннаго предѣла, до моря. Крымъ—прекрасный, теплый край, а полоса на южномъ его берегу, между горами и моремъ, самый благорастворенный, самый роскошный и красивый край въ цѣлой Россіи. Вслѣдъ затѣмъ покончили и съ Польшей. Это—прекрасная страна, населенная трудолюбивымъ, умнымъ народомъ, который любитъ свое отечество. И нельзя не любить свое отечество: всякій человѣкъ его любитъ, какъ отца и мать. Намъ Польша не нужна для нашего могущества, и если бы мы хотѣли быть справедливыми къ Польшѣ, то мы должны-бы отдать ее самой себѣ. Но гораздо важнѣе быть справедливымъ къ своему отечеству: мы не можемъ отдать Польшу самой себѣ, потому что ей этого мало: она требуетъ владычества надъ нашими православными соотечественниками, а мы не имѣемъ права уступать своихъ.

Потомъ покорилось намъ и пришло въ русское подданство богатое Грузинское царство. За Кавказскими горами лежатъ прекрасныя, плодородныя равнины, населенныя трудолюбивымъ, промышленнымъ народомъ, одной православной съ нами вѣры, грузинами. По сосѣдству съ турками и персіянами, вѣры мусульманской, этому народу житья не было отъ нехристей. Грузія долго отбивалась отъ нихъ, и наконецъ вышла изъ терпѣнія и добровольно признала себя въ россійскомъ подданствѣ. Такъ Русь увеличилась и въ ту сторону, за Кавказомъ.

Пока Русская земля такъ росла и увеличивалась, она не забывала также и учиться. Грамотныхъ людей стало больше прежняго, и въ дѣлѣ науки Русская земля могла бы уже обходиться безъ нѣмцевъ, которые долгое время

были нашими учителями. Были уже русскіе люди, которые умѣли чеканить монету, печатать книги, отливать пушки, дѣлать ружья, водить по морю корабли, строить корабли дома, проводить каналы, и проч. Но этого мало, потому что грамотно было только дворянство, а намъ надобно, для счастія Россіи необходимо, чтобы грамота прошла въ народъ. Устраивались училища для народа, но все еще мало, все худо еще шло дѣло общенародной грамотности.

Русская земля научилась понемногу, и росла: недалеко отъ новой столицы нашей, Петербурга, начиналась чужая шведская земля, Финляндія. Мы обратили ее въ свое подданство, у турокъ забрали Бессарабскую область, а за Кавказомъ покорилось намъ сосѣднее съ Грузіею Ширванское царство.

Но намъ готовилась еще одна великая гроза. Французскій императоръ Наполеонъ, собравъ несмѣтное воинство изъ французовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, испанцевъ, поляковъ и другихъ народовъ, пошелъ на Россію. Намъ грозило новое татарское порабощеніе; но къ счастію Русская земля была тогда не раздроблена, какъ при татарскомъ нашествіи, а была подъ рукою одного государя, и весь народъ одинаково, попрежнему, ненавидѣлъ иноплеменниковъ, которые принесли намъ разореніе. У насъ войска было втрое меньше, чѣмъ у Наполеона, однакожъ тягостная война окончилась въ нашу пользу. Сначала Наполеонъ быстро шелъ впередъ, прямо на Москву, древнюю столицу нашу. Поневолѣ пришлось намъ отступать передъ непріятелемъ, который былъ втрое сильнѣе насъ и гораздо искуснѣе. Но и тутъ французы поняли, что противъ нихъ былъ какой-то особенный народъ, не такой, съ какими они привыкли воевать. Пока французы шли черезъ земли, которыя прежде были подъ властью Польши, вездѣ имъ былъ отъ пановъ радушный

пріемъ и угощенье, а какъ вступили въ земли, не испорченныя польскимъ гнетомъ, пошло совсѣмъ другое: никто уже не встрѣчалъ ихъ съ хлѣбомъ-солью, деревни были пусты, народъ ушелъ въ лѣса и вооружился чѣмъ попало, города тоже опустѣли. Недалеко отъ Смоленска наткнулись они на отрядъ нашихъ рекрутъ-новобранцевъ, всего семь тысячъ человѣкъ, и всѣми своими войсками не могли смять этихъ младшихъ сыновъ Россіи. Сорокъ разъ вся непріятельская конница, счетомъ въ двѣнадцать разъ больше горсти русскихъ новобранцевъ, со всего размаха бросалась на нашихъ, и сорокъ разъ отборныя французскія, нѣмецкія, польскія и всякія другія дружины бѣжали отъ нашихъ новобранцевъ. Послѣ того въ самомъ Смоленскѣ была встрѣча французамъ. Шестнадцать тысячъ русскихъ встрѣтили двѣсти тысячъ непріятелей, рѣзались цѣлый день и отбились. На другой день непріятели зажгли Смоленскъ, опять бросились на насъ всѣ, несмѣтными толпами, ничего не могли сдѣлать и отступили. Только на третій день они заняли Смоленскъ, когда наши отряды уже выступили по московской дорогѣ. При Бородинѣ русскіе выжидали непріятеля. Произошло страшное сраженіе: болѣе ста тысячъ человѣкъ русскихъ и непріятелей погибло, и битва кончилась ничѣмъ.

Черезъ нѣсколько дней мы уступили непріятелямъ Москву, и какъ только они вошли въ древнюю столицу нашу, она загорѣлась въ разныхъ мѣстахъ; мы жгли свое добро, чтобы оно не доставалось непріятелю, а непріятели грабили все, что уцѣлѣло отъ огня, оскверняли православныя церкви и разоряли все, что могли. Тутъ Русская земля вся возстала на общаго врага. Отъ Москвы до Смоленска всѣ вооружились: даже женщины выходили съ мужьями своими и братьями на поиски непріятелей и губили ихъ и огнемъ, и желѣзомъ, и голодомъ, и всѣми

средствами. А Наполеонъ все ждалъ, что русскій Царь пришлетъ къ нему кого нибудь поговорить о мирѣ, прождалъ понапрасну пять недѣль и рѣшился идти домой. Но по старой разоренной дорогѣ идти ему не хотѣлось, а русское войско не дало ему выбрать иную дорогу и погнало по старой. Непріятели бѣжали опрометью, подгоняемые казаками и крестьянами. Да на ихъ бѣду наступила ранняя зима: непріятели голодали и замерзали тысячами. Болѣе шести сотъ тысячъ непріятелей осталось на поляхъ Россіи. Изнурительная и тягостная война кончилась тѣмъ, что намъ досталось устроенное Наполеономъ небольшое герцогство Варшавское.

Такъ росла Русская земля; но тогда она еще училась, и потому не знала, что съ отдѣльною Польшею, хоть и небольшою, будетъ очень много хлопотъ. Не прошло и пятнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ намъ досталось новое царство Польское, какъ оно возстало, прогнало наше войско изъ Варшавы и объявило, что знать не хочетъ Россіи. Пришлось намъ опять усмирять поляковъ, приводить ихъ въ порядокъ и завоевывать непокорную Варшаву. Но и послѣ этого послѣдняго завоеванія царство Польское осталось отдѣльнымъ царствомъ.

Послѣдній тяжкій урокъ намъ былъ данъ Европой въ Крыму. По случаю спора за право богослуженія въ храмѣ іерусалимскомъ, началась у насъ война съ Турціею, за которую вступилась Франція, Англія и Италія. Непріятельскія войска высадились въ Крыму, и тутъ же съ первой встрѣчи видно стало, что намъ еще надобно учиться: ружья наши были хуже, чѣмъ у непріятелей, и потому въ первомъ же сраженіи мы были разбиты. Но мы заперлись въ Севастополѣ, и началась невыносимая, невиданная, едва вѣроятная осада. Здѣсь русскіе люди показали обыкновенную свою любовь къ родинѣ и вѣрность въ исполненіи своего долга. Всѣ усилія непрія-

телей разбивались о севастопольскія твердыни, подъ которыми легло много десятковъ тысячъ непріятелей; но еще больше легло и нашихъ; кровавая борьба продолжалась до тѣхъ поръ, пока непріятели не засыпали насъ цѣлымъ градомъ чугунныхъ бомбъ и ядеръ. Тогда Севастополь палъ, и мы заключили миръ, для насъ въ полной мѣрѣ выгодный: мы уступили небольшое пространство земли около устья Дуная, уступили тоже право имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ; за то мы пріобрѣли возможность пользоваться всѣми полученными уроками и начать спокойно, мирно переработываться и обновляться.

Миромъ, заключеннымъ послѣ севастопольской войны, оканчивается средняя исторія наша и начинается новая.

КАКЪ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ОБНОВЛЯЕТСЯ.

Послѣ севастопольской войны миръ былъ заключенъ нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ. Онъ принялъ Россію истомленною въ крымской войнѣ и устроенною такъ, что въ ней оставались еще слѣды и татарскаго владычества, и полезныхъ, но торопливыхъ, на нѣмецкій ладъ, преобразованій Великаго Петра, и многихъ позднѣйшихъ ошибокъ нашихъ.

Такъ у насъ были еще въ употребленіи наказанія преступниковъ страшными орудіями, называемыми плети, которыми истязался приговоренный къ этой казни публично, на площадяхъ. Это былъ еще остатокъ татарскаго владычества. У насъ наказывались палками и толстыми прутьями солдаты за важныя и даже за неважныя

преступленія. Это было перенято еще при императорѣ Петрѣ у нѣмцевъ.

У насъ была одна только желѣзная дорога, между Петербургомъ и Москвою; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроено было шоссе, но большею частію дорогъ не было вовсе. Во время крымской войны бездорожье обошлось намъ очень дорого, потому что у нашихъ солдатъ часто не только не доставало зарядовъ, но иногда недоставало и хлѣба: такъ трудно было подвозить въ Крымъ все, что было нужно.

У насъ было двадцать два милліона русскихъ людей, которые были въ полномъ распоряженіи своихъ помѣщиковъ и не имѣли всѣхъ человѣческихъ правъ. Они не могли уходить по своимъ дѣламъ безъ разрѣшенія помѣщика, не имѣли ничего своего, а все, что у нихъ было, принадлежало помѣщику; женились и выходили замужъ только по его волѣ, и даже какъ будто не были подданными русскаго Царя, потому что не присягали ему. Крѣпостное состояніе началось у насъ болѣе 250 лѣтъ тому назадъ, а утвердилось окончательно при императорѣ Петрѣ I.

Служба солдатъ была у насъ въ пренебреженіи: съ солдатомъ начальство обращалось дурно; солдатъ былъ очень часто битъ, долженъ былъ служить двадцать пять лѣтъ, далеко отъ своей родины, и ежели возвращался домой, то черезъ двадцать пять лѣтъ приходилъ какъ чужой и рѣдко заставалъ въ живыхъ свою родню; къ тому еще всѣ солдатскія дѣти непремѣнно должны были поступать въ солдаты. Это было перенято отъ нѣмцевъ еще при императорѣ Петрѣ I.

Суды у насъ были закрытые; судъ производился на бумагѣ, и судьи никогда почти не видали подсудимаго, а разсматривали только то, что было о немъ написано, и все дѣло хранилось въ тайнѣ. Поэтому судъ всегда

тянулся очень долго, и судьи иногда рѣшали дѣла пристрастно, то есть признавали правымъ не того, кто въ самомъ дѣлѣ былъ правъ, а того, кто давалъ имъ больше денегъ. Такое устройство судовъ мы переняли у нѣмцевъ, тоже при императорѣ Петрѣ I, а нашъ старинный судъ былъ не письменный и открытый.

Школъ у насъ было мало и ученье въ нихъ шло худо. Лѣтъ сто тому назадъ мы собирались устроить народныя училища, но ни денегъ не было, ни учителей хорошихъ не было, и потому училища устроились только для дворянства. Поэтому дворянство въ долгу у народа въ дѣлѣ ученья. А въ древности у насъ были школы. Еще до принятія великимъ княземъ Владиміромъ христіанской вѣры, великая княгиня Ольга заводила школы для дѣвочекъ.

Общественнымъ хозяйствомъ занималось у насъ само правительство чрезъ своихъ чиновниковъ. Какъ бы эти чиновники ни были умны и честны, они, разумѣется, не могли вести чужое хозяйство такъ хорошо, какъ могутъ вести сами хозяева; если же на бѣду попадались чиновники не умные и не совсѣмъ честные, то ихъ хозяйничанье было разореньемъ. Встарину наши общества сами вели свое хозяйство, и хорошо-ли шли дѣла, худо-ли, не на кого было жаловаться.

Была у насъ еще широкая рана, сквозь которую вытекало много благородной русской крови. Это былъ Кавказъ, гдѣ полудикіе горцы не хотѣли принять нашего господства и подчиниться нашимъ законамъ. Они часто нападали на наши селенія и города и обирали проѣзжихъ купцовъ. Мы усмиряли ихъ, какъ могли, но это было очень трудно, потому что горцы жили среди крутыхъ, высокихъ, неприступныхъ Кавказскихъ горъ, въ непроходимыхъ ущельяхъ, среди вѣковыхъ лѣсовъ, и изъ своихъ деревень собирались тропинками, поодиначкѣ, и

нападали на нашихъ. Эта война продолжалась много лѣтъ, и каждый годъ мы должны были отправлять на Кавказъ по нѣскольку десятковъ тысячъ содатъ.

Въ такомъ положеніи Государь Императоръ Александръ Николаевичъ принялъ въ свое управленіе Русскую землю. И съ тѣхъ поръ очень многое перемѣнилось.

Истинно великій Государь нашъ уничтожилъ послѣдній слѣдъ татарщины: самые закоренѣлые преступники уже не подвергаются на площадяхъ тѣлеснымъ наказаніямъ и только самые страшные злодѣи наказываются смертью.

Желѣзныя дороги стали строиться дѣятельно, и черезъ нѣсколько лѣтъ у насъ будетъ цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ по важнѣйшимъ направленіямъ. Теперь у насъ уже болѣе десяти тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ въ дѣйствіи.

Двадцать два милліона русскихъ людей получили всѣ человѣческія права и землю, а помѣщики за это получаютъ съ нихъ денежное вознагражденіе.

Служба солдата сокращена; его не бьютъ, съ нимъ обходятся какъ съ человѣкомъ, и служба родинѣ въ рядахъ войска перестала быть страшною. Сверхъ того честь служить отечеству и защищать его въ случаѣ опасности теперь предоставлена не однимъ крестьянамъ и мѣщанамъ, а всѣмъ русскимъ гражданамъ.

Суды сдѣлались открытыми, гласными, и мы имѣемъ право ожидать отъ судовъ правды и милости.

Школъ у насъ стало гораздо больше. Сами дворяне, чувствуя, что они у народа въ долгу въ дѣлѣ ученья, стали заводить школы.

Земское хозяйство отдано самому земству, общество само выбираетъ людей, которымъ довѣряетъ, и само распоряжается своими расходами.

Кровоточивая рана наша на Кавказѣ закрылась, главный предводитель горцевъ взятъ въ плѣнъ, и на Кавказѣ водворился миръ.

Много еще великихъ дѣлъ совершено въ послѣднее время на пользу Россіи. Съ внутреннею переработкою нашею началось наше обновленіе, началась новѣйшая исторія Русской земли. Продолжая учиться и учиться, не только теперь, но и послѣ, черезъ длинный рядъ столѣтій, русскіе люди съ изумленіемъ будутъ оглядываться на наше время, и съ удивленіемъ и благодарностью будутъ говорить объ Императорѣ Александрѣ, великомъ обновителѣ Русской земли.

Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко пѣсня раздается,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ:
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?»

«Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ — краса степей».
«Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!» —

«Край мой — теплый край Эвксина!» —
«Край мой — брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ.» —

«Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!»
«Мнѣ отчизна — старый Псковъ.»

«Я отъ Ладоги холодной.» —
«Я отъ синихъ волнъ Невы.» —
«Я отъ Камы многоводной.» —
«Я отъ матушки Москвы.» —

Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древнюю ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ.

И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ,
Полкъ молящихся дѣтей,

Мы вокругъ твоей святыни,
Всѣ съ любовью собраны. . .
Братцы, гдѣ-жь сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?

Горе! горе! ихъ спалили
Польши дикіе костры;
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры:

Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ.

Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднаго,
Зовъ моленья и любви.

И отторженныя дѣти,
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,

Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твое родное лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой.

Хомяковъ.

Русь.

Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, — города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ дома, въ шумѣ и вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ; не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ

ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что̀ въ ней, въ этой пѣснѣ? Что̀ зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что̀ ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что̀ пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественною властью освѣтились мои очи... У! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль!

Гоголь.

Кто онъ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ,
По тропинкамъ и по мхамъ,
Ѣхалъ всадникъ, пробираясь
Къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ.

Только вотъ — рыбачья хата;
У рѣки старикъ стоялъ,
Челнъ осматривалъ дырявый
И бранился и вздыхалъ.

Всадникъ подлѣ — онъ не смотритъ.
Всадникъ молвилъ: «Здравствуй, дѣдъ!»
А старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ
На привѣтствіе въ отвѣтъ.

Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ:
«Поздоровится тутъ, жди!
Времена ужъ не такія…
Жди, да у моря сиди.

«Вамъ вѣдь все ничто, боярамъ,
А челнокъ для рыбака
То-жъ, что бабѣ веретена,
Али конь для сѣдока.

«Шведы-ль, наши-ль шли тутъ утромъ,
Кто ихъ знаетъ — ото всѣхъ
Нынче пахнетъ табачищемъ…
Ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ!

«Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь, въ лѣсъ бы… Вѣдь грѣшно!…
Лодка, вишь имъ помѣшала,
И давай рубить ей дно…

«Да ужъ стала здѣсь сторонка
За теперешнимъ царемъ!..
Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто
Промышлять сюда идемъ.»

Всадникъ прочь съ коня, и молча
За работу принялся;
Живо дѣло закипѣло
И поспѣло въ полчаса.

Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ,
Такъ и тычетъ долото —
И челнокъ на славу вышелъ,
А вѣдь былъ—что рѣшето.

— «Ну, старикъ, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сѣть на счастье
На Петрово попытай.»

«На Петрово! эко слово
Молвилъ! думаетъ рыбакъ —
Съ топоромъ гляди какъ ловокъ...
А по рѣчи... Какъ же такъ?..»

И развелъ старикъ руками,
Шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ,
Смотритъ долго въ ту сторонку,
Гдѣ чудесный гость исчезъ.

1841. *Майковъ.*

Бородино.

1.

Всю ночь у пушекъ пролежали
Мы безъ палатокъ, безъ огней,
Штыки вострили да шептали
Молитвы родины своей.
Шумѣла буря до разсвѣта,
Я, голову поднявъ съ лафета,
Товарищу сказалъ:
«Братъ, слушай пѣсню непогоды,
Она дика, какъ пѣснь свободы!»
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищъ не слыхалъ.

2.

Пробили зорю барабаны,
Востокъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ нежданный
На батарею прилетѣлъ.
И вождь сказалъ передъ полками:

«Ребята, не Москва-ль за нами!
　　Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И мы погибнуть обѣщали.
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

3.

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я вспомня, леденѣю весь.
Тамъ души волновала слава,
Отчаяніе было здѣсь.
Безмолвно мы ряды сомкнули.
Громъ грянулъ, завизжали пули;
　　Перекрестился я,
Мой палъ товарищъ, кровь лилася,
Душа отъ мщенія тряслася,
И пуля смерти понеслася
　　Изъ моего ружья.

4.

Маршъ-маршъ пошли впередъ, и болѣ
Ужъ я не помню ничего.
Шесть разъ мы уступали поле
Врагу, и брали у него.
Носились знамена какъ тѣни,
Я спорилъ о могильной сѣни.
　　Въ дыму огонь блестѣлъ,
На пушки конница летала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

5.

Живые съ мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали—
Противникъ отступилъ.
Но день достался намъ дороже!
Въ душѣ сказавъ: помилуй Боже!
На трупъ застывшій, какъ на ложе,
Я голову склонилъ.

6.

И крѣпко, крѣпко наши спали
Отчизны въ роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали,
Но этимъ не могли помочь.
Однако-же въ преданьяхъ славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!
Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ потухнутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

Лермонтовъ.

Битва.

— Такъ есть же такіе, которые бьютъ васъ, собакъ! сказалъ онъ, кинувшись на него. И уже такъ-то рубились они! наплечники и зерцала погнулись у обоихъ отъ ударовъ. Разрубилъ на немъ вражій ляхъ желѣзную рубашку, доставъ лезвеемъ самаго тѣла: зачервонила казацкая рубашка; но не поглядѣлъ на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука!) и оглушилъ внезапно его по головѣ. Разлетѣлась мѣдная шапка, зашатался и грянулся ляхъ: а Шило принялся рубить и крестить оглушеннаго. Не добивай, казакъ, врага, а лучше поворотись назадъ! Не поворотился казакъ назадъ, и шутя же одинъ изъ слугъ убитаго хватилъ его ножомъ въ шею. Поворотился Шило и уже досталъ бы смѣльчака; но онъ пропалъ въ пороховомъ дымѣ. Со всѣхъ сторонъ поднялось хлопанье изъ самопаловъ. Пошатнулся Шило и почуялъ, что рана была смертельна. Упалъ онъ, положилъ руку на свою рану и сказалъ, оборотившись къ товарищамъ:—«Прощайте, паны-братья—товарищи! Пусть же стоитъ на вѣчныя времена православная Русская земля и будетъ ей вѣчная честь!» И зажмурилъ ослабшія свои очи, и вынеслась казацкая душа изъ суроваго тѣла. А тамъ уже выѣзжалъ Задорожный съ своими, ломилъ рядъ куренной Вертихвистъ, и выступалъ Балабанъ.

— А что, паны? сказалъ Тарасъ, перекликнувшись съ куренными,—есть еще порохъ въ пороховницахъ? не ослабѣла ли казацкая сила? не гнутся ли казаки?

— Есть еще, батька, порохъ въ пороховницахъ; не ослабѣла еще казацкая сила; еще не гнутся казаки!

И наперли сильно казаки: совсѣмъ смѣшали всѣ ряды. Низкорослый полковникъ ударилъ сборъ и велѣлъ выкинуть восемь малеванныхъ знаменъ, чтобы собрать своихъ, разсыпавшихся далеко по всему полю. Всѣ бѣжали ляхи къ знаменамъ; но не успѣли они еще выстроиться, какъ уже куренной атаманъ, Кукубенко, ударилъ вновь съ своими Незамайковцами въ средину и напалъ прямо на толстопузаго полковника. Не выдержалъ полковникъ и, поворотивъ коня, пустился вскачь; а Кукубенко

далеко гналъ его черезъ все поле, не давъ ему соединиться съ полкомъ.

Завидѣвъ то съ боковаго куреня, Степанъ Гуска пустился за нимъ въ погоню, съ арканомъ въ рукѣ, пригнувши голову къ лошадиной шеѣ, и, улучивши время, съ одного раза накинулъ арканъ ему на шею: весь побагровѣлъ полковникъ, ухватясь за веревку обѣими руками и силясь разорвать ее, но уже дюжій розмахъ вогналъ ему въ самый животъ гибельную пику. Такъ и остался онъ пригвожденный къ землѣ. Но не сдобровать и Гускѣ! Не успѣли оглянуться казаки, какъ уже увидѣли Степана Гуску поднятаго на четыре копья! Только и успѣлъ сказать бѣднякъ: — «Пусть же пропадутъ всѣ враги и ликуетъ вѣчные вѣки Русская земля!...» И тутъ же испустилъ духъ свой.

Оглянулись казаки, а ужъ тамъ съ боку казакъ Метелица угощаетъ ляховъ, шеломя того и другаго; нападаетъ съ своими ота́манъ Невеличкій, а у возовъ ворочаетъ врага и бьетъ Закрутигуба; а у дальнихъ возовъ третій Писаренко отогналъ уже цѣлую ватагу; а ужъ тамъ у другихъ возовъ схватились и бьются на самыхъ возахъ.

— Что́, паны? перекликнулся ота́манъ Тарасъ, проѣхавши впереди всѣхъ,—есть ли еще, батьки, порохъ въ пороховницахъ? крѣпка ли еще казацкая сила? не гнутся ли уже казаки?

— Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; еще крѣпка казацкая сила; еще не гнутся казаки!

А ужъ упалъ съ воза Бовдюгъ; прямо подъ самое сердце пришлась ему пуля; но собралъ старый весь духъ свой и сказалъ: «Не жаль разстаться съ свѣтомъ, дай Богъ и всякому такой кончины! пусть же славится до конца вѣка Русская земля!» И понеслась къ вышинамъ Бовдюгова душа, разсказать давно отшедшимъ старцамъ, какъ умѣютъ биться на Русской землѣ, и еще лучше того, какъ умѣютъ умирать въ ней за святую вѣру.

Балабанъ, куренной ота́манъ, скоро послѣ того грянулся также на землю. Три смертельныя раны достались ему—отъ копья, отъ пули и отъ тяжелаго палаша; а былъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ казаковъ, много совершилъ онъ подъ своимъ ота́манствомъ морскихъ походовъ; но славнѣе всѣхъ былъ походъ къ Анатольскимъ берегамъ. Много набрали они тогда цехиновъ, дорогой турецкой

габы, киндяко́въ и всякихъ убранствъ. Но мыкнули горе на обратномъ пути: попалися, сердечные, подъ турецкія ядра. Какъ хватило ихъ съ корабля: половина челновъ закружилась и перевернулась, потопивши не одного въ водѣ; но привязанные къ бокамъ камни спасли челны отъ потопленія. Балабанъ отплылъ на всѣхъ веслахъ, сталъ прямо къ солнцу и чрезъ то сдѣлался невидѣнъ турецкому кораблю. Всю ночь потомъ черпаками и шапками выбирали они воду, чиня пробитыя мѣста; изъ казацкихъ штановъ нарѣзали парусовъ, понеслись и убѣжали отъ быстрѣйшаго турецкаго корабля. И мало того, что прибыли безбѣдно на Сѣчь, привезли еще златошвейную ризу архимандриту Межигорскаго кіевскаго монастыря и на Покровъ, что на Запорожьѣ, окладъ изъ чистаго серебра. И славили долго потомъ бандуристы удачливость казаковъ. Поникнулъ онъ теперь головою, почуявъ предсмертныя муки, и тихо сказалъ:—«Сдается мнѣ, паны братцы, умираю хорошею смертью: семерыхъ изрубилъ, девятерыхъ копьемъ искололь, истопталъ конемъ вдоволь и уже не припомню, скольких̆ъ досталъ пулею. Пусть же цвѣтетъ вѣчно Русская земля!...» И отлетѣла его душа.

Казаки, казаки! на выдавайте лучшаго цвѣта вашего войска! Уже обступили Куку́бенка, уже семь человѣкъ только осталось изо всего Неза̀майковскаго куреня, уже и тѣ отбиваются черезъ силу; уже окровавилась на немъ одежда. Самъ Тарасъ, увидя бѣду его, поспѣшилъ на выручку. Но поздно подоспѣли казаки: уже успѣло ему углубиться подъ сердце копье, прежде чѣмъ были отогнаны обступившіе его враги. Тихо склонился онъ на руки подхватившихъ его казаковъ, и хлынула ручьемъ молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли въ стекляномъ сосудѣ изъ погреба неосторожные слуги и, поскользнувшись тутъ же у входа, разбили дорогую сулею; разлилось на землю вино, и схватилъ себя за голову прибѣжавшій хозяинъ, сберегавшій его про лучшій случай жизни, чтобы, если приведетъ Богъ, на старости лѣтъ встрѣтиться съ товарищемъ юности, то чтобы помянуть вмѣстѣ съ нимъ прежнее иное время, когда иначе и лучше веселился человѣкъ. Повелъ Куку́бенко вокругъ себя очами и проговорилъ:—«Благодарю Бога, что довелось мнѣ умереть при глазахъ вашихъ, товарищи! пусть же послѣ насъ живутъ лучше, чѣмъ мы, и

красуется вѣчно любимая Христомъ Русская земля!...» И вылетѣла молодая душа. Подняли ее ангелы подъ руки и понесли къ небесамъ; хорошо будетъ ему тамъ. «Садись, Кукубенко, одесную Меня!» скажетъ ему Христосъ: «ты не измѣнилъ товариществу, безчестнаго дѣла не сдѣлалъ, не выдалъ въ бѣдѣ человѣка, хранилъ и сберегалъ Мою Церковь.» Всѣхъ опечалила смерть Куку́бенко. Уже рѣдѣли сильно казацкіе ряды; многихъ храбрыхъ не досчитывались; но стояли и держались еще казаки.

— А что́, паны, перекликнулся Тарасъ съ оставшимися куренями:—есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? не иступились ли сабли? не утомилась ли казацкая сила? не погнулись ли казаки?

— Достанетъ еще, батько, пороху; годятся еще сабли; не утомилась казацкая сила; не гнулись еще казаки!

И рванулись снова казаки такъ, какъ бы и потерь никакихъ не понесли. Уже три только куренныхъ ота́мана осталось въ живыхъ; червонѣли уже всюду красныя рѣки; высоко гатились мосты изъ казацкихъ и вражьихъ тѣлъ. Взглянулъ Тарасъ на небо, а ужъ по небу потянулась вереница кречетовъ.

— Ну, будетъ кому-то пожива! А ужъ тамъ подняли на копье Метелицу; уже голова другаго Писаренка, завертѣвшись, захлопала очами; уже подломился и бухнулся о землю, на-четверо изрубленный, Охрипъ Гуска.—«Ну,» сказалъ Тарасъ и махнулъ платкомъ. Понялъ тотъ знакъ Остапъ и ударилъ сильно, вырвавшись изъ засады, въ конницу. Не выдержали сильнаго напора ляхи, а онъ ихъ гналъ и погналъ прямо на мѣсто, гдѣ были вбиты въ землю копья и обломки копьевъ. Пошли спотыкаться и падать кони и летѣть черезъ ихъ головы ляхи. А въ это время корсунцы, стоявшіе послѣдніе за возами, увидѣли, что уже достанетъ ружейная пуля, грянули вдругъ изъ самопаловъ. Всѣ сбились и растерялись ляхи, и пріободрились казаки. — Вотъ и наша побѣда! раздались со всѣхъ сторонъ запорожскіе голоса, затрубили въ трубы и выкинули побѣдную хоругвь. Вездѣ бѣжали и крылись разбитые ляхи. — «Ну, нѣтъ, еще не совсѣмъ побѣда!» сказалъ Тарасъ, глядя на городскія ворота, и сказалъ онъ правду.

Гоголь.

Клеветникамъ Россіи.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою;
Домашній старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,—
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ?—вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...
За что жъ? Отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,

Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

Пушкинъ.

Два великана.

Въ шапкѣ золота литаго
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другаго
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ—

Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ....

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, глѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

Лермонтовъ.

Полтава.

И царь туда-жъ помчалъ дружины,
Онѣ какъ буря протекли—
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли.
Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлый,
Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
Такъ грозный сходится боецъ.
И, злобясь, видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ, блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.

Но онъ рѣшилъ: заутра бой.
Глубокій сонъ во станѣ шведа.
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шопотомъ бесѣда.

— Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати:
Разсчетъ и дерзкій и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.

Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать! далъ я промахъ важный:
Ошибся въ этомъ Карлѣ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважный;
Два, три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;
Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынче, казака
И обмѣнять на рану рану;
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ.
Какъ комъ вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ!
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ.
Сломить ему свои рога.
Стыжусь, воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ:
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.

Орликъ.

— Сраженья
Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья,
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

Мазепа.

Нѣтъ, поздно! Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба! Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовомъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ.
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ,
Смутились гости молодые—
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ,
Носилъ ее—какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ:
Такъ обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье:
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды...
Кому бѣжать—рѣшитъ заря.

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ русскаго Царя.

Горитъ востокъ зарей новой,
Ужь на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый

Кругами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь конница летитъ;
Пѣхота движется за нею,
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза!
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Рѣтивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,

И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Ровняясь, строятся полки,
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки присмирѣли,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло *ура:*
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могучъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ и Бауръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился;
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...

Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ Московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами,
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя?
Ужь на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ въ изгнаньи сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя

Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что-жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился:
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной радостью въ очахъ.
Старикъ, подъѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи,
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ;
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О, славный часъ! О, славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,

И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званный гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ-жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхѣ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба —
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ!
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Пушкинъ.

Тройка.

И какой же Русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, не сказать иногда: «Чортъ побери все!» его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь и все летитъ: летятъ версты, летятъ на встрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ, съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога ни вѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ тройка! птица-тройка! кто тебя выдумалъ! Знать у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро живымъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!... И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель. Не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, — что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо говоритъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ

вышины знакомую пѣсню —дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!... Русь! Куда-жь несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ: летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь посторанива-ются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

Гоголь.

Орелъ.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полунощныхъ орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети, но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ стальныхъ татарина цѣпяхъ!...
И ждутъ окованные братья,
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой....
О вспомни ихъ, орелъ полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свсободы яркій свѣтъ!

Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придетъ! Окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подростутъ,
Вскричатъ орлы — и цѣпь насилья,
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ.

Хомяковъ.

КОНЕЦЪ.

2012401587

